

Pussy Riot в российских СМИ — Конструирование гендера и феминизма

Эсси Катила
Университет г. Тампере
Институт современных языков, переводоведения и литературоведения
Русский язык и культура
Дипломная работа
Май 2015

Tampereen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri
Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

KATILA, ESSI: ”Pussy Riot v rossijskih SMI — Konstruirovanie gendera i feminizma”/Pussy Riot venäläisessä mediassa – sukupuolen ja feminismin rakentuminen

Pro gradu -tutkielma, 93 sivua
Toukokuu 2015

Tutkin pro gradu-työssäni sosiaalisen ja kulttuurisen sukupuolen sekä feminismin rakentumista Pussy Riot -ryhmää käsittelevissä venäläisissä mediateksteissä. Feministinen punkryhmä Pussy Riot aiheutti Venäjällä kuohuntaa esitettään helmikuussa 2012 Kristus Vapahtajan katedraalissa punkrukouksen. Pussy Riot kritisoi esityksessään valtiovallan ja patriarkka Kirillin läheisiä suhteita sekä muun muassa naisen roolia kirkossa. Tutkielmassani paneudun sukupuolen ja feminismin saamiin merkityksiin venäläisissä Pussy Riotia käsittelevissä mediadiskursseissa. Aiheen kiinnostavuutta lisää se, että Venäjän mediassa käsitellään harvoin feminismiä. Tutkimuskysymykseni ovat: Millaisia sukupuolta ja feminismiä koskevia diskursseja aineistosta nousee esiin, ja kuinka sukupuoli ja feminismi niissä rakentuvat? Pohdin myös, ketkä osallistuvat näiden diskurssien tuottamiseen, ja millä tavoin.

Aineistona käytän pian punkrukouksen jälkeen ilmestyneitä sanomalehti- ja verkkojulkaisuartikkeleita, talk show-ohjelmia sekä Živoj žurnal-blogipalvelun feministisen yhteisön keskustelufoorumia. Lähestyn aineistoani kriittisen diskurssianalyysin menetelmin. Se pyrkii tekemään näkyviksi ideologioiden ja kielen kytkökset sekä tuomaan esille hegemonisten diskurssien vaientamat äänet. Työn teoreettisena viitekehystenä on Teresa de Lauretisin ”Sukupuoliteknologia”, joka näkee muun muassa median yhtenä sukupuolta tuottavana, uusintavana ja uudelleenrakentavana instituutiona.

Suurin osa aineiston sukupuolta tuottavista diskursseista esittää naisen ja miehen toisiaan täydentävinä ja toisaalta poissulkevinä kategorioina. Naisen paikka poliittisena subjektina pääosin kielletään liittämällä häneen attribuutteja kuten huimapäisyys, äitiys ja koti. Talk show-ohjelmissa nousee lisäksi vahvasti esiin ajatus Pussy Riotin feministisistä subjekteista uhkana perinteisille venäläisille arvoille. Sukupuolta ja feminismiä rakentavissa mediadiskursseissa ääneen pääsevät lähinnä yhteiskuntavaikuttajat, kirkon edustajat, taiteilijat sekä Pussy Riot -ryhmän perheenläheiset. Feminististen liikkeiden edustajat eivät pääse valtamediassa ääneen asiantuntijoina, jolloin toimittajat esittelevät halutessaan oman määritelmänsä siitä, mitä Pussy Riotin feminismi edustaa. Živoj žurnal-blogipalvelun feministiyhteisössä Pussy Riotia käsitellään nimenomaan feministisestä näkökulmasta, mutta aihe jakaa keskusteluun osallistuvia feministejä voimakkaasti. Keskustelusta käy ilmi venäläisen feminismin monimuotoisuus ja ristiriidat eri feminismin edustajien välillä.

Avainsanat: Pussy Riot, sukupuoli, feminismi, diskurssi, venäläinen media

Оглавление

Введение	1
1. Тема исследования.....	4
1.1. Женское движение и феминизм в России	4
1.2. Группа Pussy Riot: возникновение и деятельность.....	8
1.3. Прежние исследования о Pussy Riot	13
2. Теории дискурса	17
2.1. Объяснение терминов дискурса и дискурс-анализа.....	17
2.2. Критический дискурс-анализ.....	20
2.3. Репрезентации в дискурсах СМИ.....	22
2.4. Социальные отношения в дискурсах СМИ	24
3. Гендер и дискурс.....	26
3.1. Дискурс-анализ с точки зрения гендерного исследования	26
3.2. Дискурсы как технология гендера.....	28
4. Анализ дискурсов гендера в материале СМИ о Pussy Riot.....	31
4.1. Основные черты российских СМИ.....	32
4.2. Селекция материала и ход анализа.....	36
4.3. Мужской ум и женская взбалмошность в статье «Pussy Riot и российские гей-парады»	39
4.4. Pussy Riot как угроза русским традициям, морали и ценностям в ток-шоу «В контексте», «Госдеп-2» и «Пусть говорят».....	43
4.5. Материнство в ток-шоу «Пусть говорят».....	51
4.6. Патриархатные дискурсы в ток-шоу «В Контексте», «Госдеп-2» и «Пусть говорят»	58
4.7. Современный феминизм как средство привлечь к себе внимание в статье «Pussy Riot – феминизм или синдром Бобчинского?»	63
4.8. Поиск «правильного» феминизма в интернет-обществе «Феминистки» в «Живом журнале» ...	70
5. Заключение	81
Список источников	85
Первичные источники	85
Вторичные источники:	86

Газеты:.....	90
Непечатные материалы:.....	91

Введение

Данная работа посвящена анализу конструирования гендера в дискурсах российских средств массовой информации (далее СМИ), рассказывающих о феминистской панк-группе Pussy Riot. Во Введении я рассматриваю исходный пункт и цель работы, включая обоснование научных вопросов, главных теорий и методик анализа. Также объясняется ход данной работы.

Феминистская панк-группа Pussy Riot провела акцию в главном храме России, в Храме Христа Спасителя в Москве, в феврале 2012 года. Выступление привлекло внимание как в России, так и за рубежом. Более раннее выступление группы на Лобном месте уже представило интерес для прессы даже немаргинального типа, но именно после так называемого панк-молебна в Храме Христа Спасителя группа стала широко известной. У многих россиян выступление группы в храме вызвало негативную реакцию. Акция вызвала много дискуссий в российских СМИ, и искаженные описания этого необычного поступка появились в печати уже тогда, когда не было ясно, что в церкви происходило на самом деле. Судебное дело против трех активисток группы, Марии Алехиной, Надежды Толоконниковой и Екатерины Самуцевич, также вызвало много споров и дискуссий в России: должны ли активистки быть наказаны и как. Тема продолжает быть актуальной, так как Алехину и Толоконникову освободили в конце 2013 года¹, после чего они продолжали свой политический активизм.

Феминизм и понятие гендера еще не укоренились в России, и поэтому мне весьма интересно исследовать именно конструирование гендера в дискурсах СМИ о Pussy Riot. На Западе в феминистском дискурсе в 1960-1970 годах начали использовать в отношении к медицине и психиатрии английский термин «гендер», чтобы отделить друг от друга биологический пол, связанный с размножением, и так называемый социальный пол, гендер. Гендерное исследование акцентирует влияние социальной и культурной среды в оформлении гендера, и таким образом, подчеркивает, что и пол, и гендер являются изменчивыми, зависимыми от времени и места концепциями, которых формулирует политика. (Rossi 2010:22-28.) В то время в Советском Союзе феминизм считали буржуазным, западным явлением. Анастасия Посадская объясняет, как она вместе с другими феминистскими исследователями отказалась

---

¹ Освобождение было следствием объявленной Думой амнистии. Государственная Дума России приняла решение об амнистии к 20-летию принятия Конституции. Амнистировались заключенные по разным причинам; между прочим, амнистия касалась заключенных в пожилом возрасте, с маленькими детьми и заключенных-инвалидов. Также освободили заключенных, осужденных за мелкие преступления. Количество амнистированных было около 16 000. После освобождения Алехина и Толоконникова стали выступать за права заключенных, создав организацию «Зона Права». На взгляд Алехиной и Толоконниковой, амнистия был трюком Путина, так как он хотел улучшить свой имидж в глазах западных стран перед Олимпийскими играми в Сочи.

от традиции советской идеологии эмансипации и женского движения, и стала исследовать гендер в России, опираясь на концепции западных теории. Эти исследователи стали использовать термин «гендер» вместо варианта «социального пола», так как, согласно им, он может иметь отрицательную коннотацию. (Posadskaya 1992: 267-271.)

Я полагаю, что феминизм все еще принимается как западное явление в России, и его не обсуждают в СМИ господствующего направления. Поэтому, может быть, он не будет рассмотрен и в дискурсах о панк-молебне. Каким тогда конструируется гендер и феминизм в этих дискурсах о феминистской акции? Интересно также выяснить, кто участвует в дискуссии о Pussy Riot. Какие роли играют, например, политические активисты, художники, музыканты, религиозные деятели, феминистки и политики в данной дискуссии? Другими словами, у кого есть возможность участвовать в разговоре о феминистской группе, чьи дискурсы доминируют?

Теорией исследования будет критический дискурс-анализ, то есть я опираюсь на понимание, согласно которому дискурсы выражают и поддерживают властные отношения, в том числе и гендерные отношения. При изучении дискурса я буду больше всего использовать работы Нормана Фэркло, но также работы теоретиков, исследовавших связь гендера и дискурса. В качестве метода используется семиотический анализ дискурса, то есть предмет исследования — знак и то, как знаки и знаковые системы функционируют и как в этих процессах формируются значения (Huttunen & Veivo 1999). В моем исследовании центральная точка зрения формируется согласно теории Терезы де Лауретис. По ее мнению, гендер является результатом различных социальных технологий, институциональных дискурсов и практик повседневной жизни, к которым СМИ, безусловно, относятся (de Lauretis 2004).

Главные исследовательские вопросы я формулирую так: Какие дискурсы возникают о гендере в медиатекстах о Pussy Riot? Как конструируется гендер и феминизм в данных дискурсах? Кто участвует в данных дискурсах?

Моей гипотезой является то, что российские СМИ господствующего направления больше всего поддерживают гегемонистские гендерные отношения и игнорируют феминистский характер действия Pussy Riot. Я также полагаю, что действие группы считается нерусским, как действие, имеющее западное влияние. Однако в СМИ Интернета могут возникать как негативные, так и позитивные вопросы о феминистских целях группы.

В следующей главе я буду обсуждать тему исследования – Pussy Riot и их выступление, панк-молебен, но перед этим мне надо кратко объяснить поворотные места развития феминизма в России. Темой Pussy Riot заинтересовался ряд исследователей русской культуры. Я представляю некоторые исследования, уже сделанные про Pussy Riot, чтобы выяснить, как моя работа соприкасается с данными исследованиями. Это также важно, чтобы углублять понимание о самой группе и разнообразии дискуссии про нее.

После рассмотрения панк-действия и характеристики Pussy Riot и прежних исследований про них я перейду к представлению теоретических основ данной работы. Теоретическая часть работы разделена на две части, первая из которых знакомит с термином «дискурс» и основными интерпретациями дискурс-анализа. В данной главе также детально представляется взгляд на дискурс, подчеркивающий связи между дискурсами и идеологиями. Данное наблюдение является центральным для данной работы. Я объясняю более подробно в отдельных разделах главные пункты критического дискурс-анализа, репрезентации и социальных отношений в дискурсах СМИ. Во второй главе, разбирающей теоретические основы работы, я сосредоточусь на отношении гендера и дискурса. В первом разделе я рассматриваю главные цели феминистских теорий дискурса и тех элементов дискурса, которыми они больше всего занимаются. В последнем разделе главы вводится понятие о дискурсах как «технологиях гендера», строящих понимание о гендере.

В аналитической главе я впервые представляю основные черты российских СМИ и в отдельном разделе более подробно материал анализа. Затем я использую представленные мной в теоретической части теории и понятия в анализе конструирования гендера и феминизма, используя материалы из разных источников российских СМИ. Выводы данного анализа я представляю в заключении и также сформулирую вопросы для возможного развития исследования в будущем, если такие возникнут в процессе анализа.

1. Тема исследования

В этой главе я расскажу более подробно о феминистском активизме Pussy Riot и тех обстоятельствах, которые влияют на форму активизма группы. Чтобы раскрыть эти пункты, я исследовала посты блога группы в блог-платформе «Живой журнал», интервью с участницами группы, недавно опубликованную книгу Маши Гессен о группе и прежние исследования про Pussy Riot. Я также использую несколько статей из СМИ, так как некоторые участницы Pussy Riot являются активными до сих пор, и самые новые их формы активизма пока не исследованы с теоретических позиций. Так как активизм Pussy Riot является феминистским и, кроме того, так как моей задачей в данной работе является исследовать то, как в российских СМИ конструируется гендер и феминизм, мне надо кратко объяснить историю развития феминизма в России в сравнении с остальной Европой. После этого я буду описывать действие группы Pussy Riot и материал анализа. В третьем разделе я представляю, в каком ключе исследователи уже обращались к теме Pussy Riot и какими были результаты данных исследований.

1.1. Женское движение и феминизм в России

История феминизма в России длинная, и поэтому мне надо сосредоточиться на основных направлениях, которые помогают нам лучше понять дискуссии о феминизме в России в моем материале. Развитие феминизма шло разными путями в разных странах, и разница между Северной Америкой и европейскими странами с Россией большая², я попытаюсь рассказать в чем они соединяются и в чем они различаются. Это важно, потому что, по-моему, российский феминизм как в сфере активизма, так и в области науки все еще имеет свои

---

² Не говоря уже о различиях между странами Африки и Азии. Я буду все-таки сосредоточиваться на истории феминизма в России и сравнивать ее с ним в европейских и североамериканских странах, так как в материале анализа возникает дискурс, в которых феминизм Pussy Riot сравнивается с феминизмом западных стран, и, более того, группа считает европейские и американские феминистские теории важными для себя. Также важно помнить, что местоположение России между Западом и Востоком влияет на самоидентификации русской культуры. Россия воспринимается как переход между Азией и Европой. Оппозиции между «свое» и «чужое» характерна не только для русской культуры, но можно представить, что в России данный дуализм появляется именно в сравнении с западной культурой. (Марш 2007.)

особенности, но в глобальном мире не стоит отдельно от мировых процессов и дискуссии о феминизме.

Феминизм как термин является сравнительно молодым. Когда речь идет о первых женских инициативах улучшить положение женщин в обществе, еще не пользовались этим термином, а только ретроспективно в западных странах стали говорить о трех волнах феминизма. Первая из данных волн боролась за равноправие женщин и мужчин. Одной из главных целей было достижение избирательного права женщин. Важно, конечно, помнить, что уже до данных так называемых суфражистских организации в середине девятнадцатого века женщины в разных точках мира писали о неравноправном положении женщин в обществе. Все-таки организованное действие за улучшение положение женщин в обществе началось в Западной Европе, Америке и России в девятнадцатом веке. (Freedman 2001:2.)

В отношении России невозможно говорить о трех волнах феминизма, так как при советской власти женские вопросы можно было обсуждать только в рамках разрешенных коммунистической партией рамках и по партийным правилам. То есть женский вопрос был сформулирован партией, а не гражданским обществом. Важно все же принять во внимание, что женское движение и феминизм имеет долгую историю в России, хотя в данный момент не являются мейнстримом.

Согласно Новиковой, продвинутый взгляд по женскому вопросу был фундаментальным, чтобы принадлежать к прогрессивным 50-60-е годам девятнадцатого века (Новикова 2002:88). Тогда принадлежащие к высшему и среднему классу женщины содействовали улучшению положения женщин в законодательстве и общественных реформ. Другие женщины стали действовать в подпольных движениях вместо женских организаций. Данных женщин, сопротивляющихся гендерным нормам, было принято называть «нигилистками». (Engel 1983: 86-102.) В начале двадцатого века женское движение было разделено из-за несогласия в том, какими должны быть цели и способы общественной перестройки. На взгляд марксистских радикалов, класс являлся первичным способом подчинения, в то время как женские активисты хотели улучшить именно положение женщин в обществе и верили в мирный активизм и умеренность. В начале двадцатого века политическая ситуация в России обострилась. Российские феминистские движения стали бороться за политические и гражданские права, как и их западные сестры. В начале двадцатого века были созданы политические женские партии и организации. Принимающие участие в данных инициативах женщины были по большей

степени женщины из среднего класса (Salmenniemi 2014:290-297.) Новикова замечает, что данные женщины избегали понятий «феминизм» и «феминист», а предпочитали называть себя «равноправками». Это отражение того, что русские феминистки считали себя прежде всего, полноправными участниками демократического движения, и поэтому использовали лексику, к которому привыкли в демократических кругах. (Новикова 2002:89.)

Женщины получили избирательное право с революцией 1917 года. Это было результатом деятельности феминистского движения, но, к сожалению, после революции партийной власти стали репрессировать феминистские организации. Объединения женщин, выступающие за уравнение гражданских и политических прав с мужчинами, стали называть «буржуазками», так как они боролись за данные права вне партии (Новикова 2002: 88) в созданном в 1919 году коммунистической партией Женотделе. В Женотделе женские вопросы были сформулированы не самими женщинами, а партийной политикой. В 1930 году Сталин заявил, что женский вопрос в Советском Союзе решен, вместо Женотдела были созданы женсекторы, которые мало имели дела с женским вопросом. Несмотря на то, что по официальной политике женщины были равными с мужчинами, женщины не могли достичь высших мест в политическом поле. (Там же: 297-298.)

В западных странах в 1960-1970 годы началась вторая волна феминизма, которую характеризует внимание к подчиненным культурным и общественным структурам, порождающих неравенство. Социализм сильно повлиял на феминистскую теорию того времени. Женщины в Советском Союзе жили в социалистической системе, и тем не менее с унижением женщин и гендерной иерархией не было покончено.

Интересно, что все же, несмотря на трудные времена для женщин и верующих, в конце 1970-их годов возникло движение православных феминисток, критикующих советский образ эмансипации женщин с точки зрения православной веры. Ленинградские православные феминистки философ Татьяна Горичева, художник и писатель Татьяна Мамонова, поэт Юлия Вознесенская и писатели Наталья Малаховская и Кари Унксова опубликовали самиздат под названием «Мария» и выпустили женский журнал «Женщина и Россия». В самиздатовском журнале Горичева, Малаховская, Мамонова, Вознесенская и другие рассказывали об опыте женщин в родильных отделениях и клиниках аборта, об унижении женщин на работе и дома. (Salmenniemi 2014:298-299.) То есть уже они считали, что данные проблемы не только частные трудности женщин, а исходят от нечестного общества. Татьяна Горичева писала

не только о подчиненном положении женщин в Советском Союзе, но и о том, как женщины сами участвуют в подчинении других. Данные феминистки верили, что эмансипации женщин можно достичь только через внутреннюю свободу, а не через политическую систему и социальные реформы. Они противостояли западному феминизму, так как, согласно им, влияние марксизма был слишком весомым в нем. Русский феминизм должен, напротив, сосредоточиться на духовности и православных ценностях (Gradskova 2012, www). Сорвари и Розенхольм видят параллель между Pussy Riot и феминистски-диссидентским журналом «Мария», так как участницы группы тоже подчеркивают важность нравственных аспектов и приверженность идеалам внутренней свободы (Розенхольм & Сорвари 2015:17).

Только с наступлением гласности и перестройки стало возможно критиковать обращение советских властей к женскому вопросу изнутри российской культуры и открыто заявить, что дискриминация женщин не была побеждена, а на самом деле, была воспроизведена во всех уровнях общества. Также обнаружилось, что проблемы женщин принимали по большей части лишь как аспекты экономических, культурных и политических исследований. (Posadskaya 1992: 268.) Но кроме того, что количество феминистской критики выросло, возник и дискурс о том, что проблемы советской системы были результатом смешения традиционных гендерных ролей. (Salmenniemi 2014: 300-302.)

Третья волна феминизма, начавшаяся в 1990-годах в западных странах, включают в себя разные формы, как, например, экофеминизм, анархо-феминизм и квир-феминизм. То есть в настоящее время лучше говорить о феминизмах во множественном числе вместо одного феминизма. Для разных форм третьей волны феминизма характерны понимание разницы между женщинами и отделение биологического пола от культурного и социального пола (гендер). Российские гендерные исследователи Здравомыслова и Темкина определяют гендер следующим образом:

(гендер) рассматривается как одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками, организующими социальную систему. “Гендер” – это социальный статус, который определяет индивидуальные возможности образования, профессиональной деятельности, доступа к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивного поведения. Социальные статусы действуют в рамках культурного пространства данного сообщества. Это означает, что гендеру как статусу соответствует гендерная культура. (Здравомыслова, Темкина, www. Курсив мой –Э.К.)

После распада Советского союза феминистски инициировали женские группы, конференции, феминистские издания и центры гендерного исследования, но данные инициативы не получили широко распространенной поддержки. Некоторые женщины продолжали путь социальной работы в помощи женщин, которая началась уже при царе (Goscilo 1995: 86.), но российские гендерные исследователи считали необходимым позиционировать себя в качестве феминисток и развивать феминистскую теорию и женское движение в России (Posadskaya 1992: 267-271.) Женщины также стремились участвовать в политических институтах, но все же политика понимается как мужская сфера и поэтому в стране власть находится по большей части в руках мужчин. Феминистские вопросы все еще остаются маргинальными в общественных разговорах и в СМИ. (Salmenniemi 2014: 305- 315.)

Группа Pussy Riot как радикальная феминистская панк-группа называет феминисток-теоретиков третьей волны феминизма Симону де Бовуар, Шуламит Файерстоун, Розу Брайдотти и Джудит Батлер как своих инспираторов (Langston 2012, www). Все-таки феминистское действие группы и то, как ее представляют в СМИ, влияет на описываемые мной выше исторические факты. С точки зрения западного человека, это ярко видно в том, что, хотя про Pussy Riot написано огромное количество статей, сказано неоднократно в новостях и сделан анализ, а сама тема обсуждалась в ток-шоу, все-таки само слово «феминизм» редко встречается как термин, включающий в себя довольно различные понимания о неравенстве. Вследствие маргинальной роли феминистских инициатив в российских СМИ интересно исследовать, каким образом конструируется гендер в данных дискурсах: появляются ли в них женщины как феминистский субъект и представляется ли роль политического субъекта только в мужском образе? В следующем разделе я представлю группу Pussy Riot и их деятельность как феминистской панк-группы.

1.2. Группа Pussy Riot: возникновение и деятельность

Pussy Riot является феминистской панк-группой из Москвы. По словам участниц, идея создания группы появилась в 2011 году в связи с пониманием, что «в России не хватает политического и сексуального раскрепощения, дерзости, феминистского хлыста и женщины-президента». Согласно Людмиле Попковой, российские женщины, принимающие участие в политике, редко выступают за права женщин, а часто, наоборот, отрицают понимание, что

женщины разделяют какие-то общие интересы (2004:176-178). Поэтому, на мой взгляд, темы, выявленные группой Pussy Riot, нужно и полезно обсуждать. Кроме того, члены группы поддерживают права людей ЛГБТ, защиту природы, антипутинизм и децентрализацию органов власти. Как пример вышеупомянутого они думают, что столица России должна быть перенесена в восточную Сибирь. (Живой журнал Pussy Riot, [www](#)). Деятельность Pussy Riot началась в то же время, когда в России увеличилось количество демонстраций и протестов против Путина. Все-таки политический протест группы сильно отличается от обыкновенного пикета или митинга на площади — он реализуется в нелегальных выступлениях и имеет характер перформанса. Данный аспект, как разные ученые исследовали связь музыки, перформанса и протеста в действии группы, я буду обсуждать в главе, рассматривающей более ранние исследования о группе Pussy Riot.

Члены Pussy Riot называют феминисток-теоретиков третьей волны феминизма Симону де Бовуар, Шуламит Файерстоун, Розу Брайдотти и Джудит Батлер как своих инспираторов (Langston 2012, [www](#)). Журналист Маша Гессен пишет в своей книге о группе, что не все участники Pussy Riot глубоко знакомы с феминисткой теорией, и подчеркивает роль Надежды Толоконниковой как «мозга» группы. (Gessen 2014.) Особо подчеркивается группой то, что им близок постструктуралистский феминизм с его темой маскарада как формы высмеивания и переопределения классических гендерных норм и ролей. (Volkova 2011, [www](#).) Pussy Riot, несомненно, разделяют главные тезисы современных западных феминисток, в том числе акцент на права ЛГБТ и понимание гендера как культурной и социальной конструкции, но, как было отмечено выше, развитие феминизма в России имеет свои особенности в сравнении с Европой.

В своей деятельности Pussy Riot соединяет феминистский активизм, перформанс, панк-музыку и понимание DIY³, которое является одним из фундаментальных элементов панк-движения. Группы, использующие панк-рок для достижения политических целей, в том числе Riot grrrl⁴-группа Bikini Kill и панк-движение рабочего класса Oi!, повлияли на решение Pussy

---

³ DIY (сделай сам) – культура, связанная с антипотребительскими идеями. Те, кто поддерживает антипотребительство, думают, что счастье не зависит от материальных средств, и критикует общества, в которых экономика поставлена на первом месте прежде природы и прав человека и животных. В культуре DIY отвергается идея, что человеку нужно потребить, чтобы выживать. Вместо потребления люди могут использовать те материалы и средства, которые у них уже есть и с помощью них строить или творить что-то новое и делить это с другими. Таким образом можно также создавать сети для обмена информацией, музыки и товаров. (Garber 2013:55.)

⁴ Riot grrrl является панк движением, родившимся в Вашингтоне (США) в 1990-ых годах. Группы, как, например, Bikini Kill и Huggy Bears противостояли, между прочим, патриархальности панка, сексуальной объективации женщин в культуре и СМИ, так и культуре панка и нормы, ограничивающих поведение и эмоциональное выражение женщин. (Nehring 1997.)

Riot соединить панк и активизм. То есть для Pussy Riot панк – это одновременно часть и современного искусства, и политической деятельности. (Langston 2012, www, Volkova 2011, www.) Использование активизма как средства феминизма важно для Pussy Riot, потому что, согласно им, обычно феминистские вопросы не выходят на уровень публичного разговора, а только обсуждаются среди интеллектуалов (Volkova 2011, www).

Выступления группы являются несанкционированными, бесплатными и выполняются в нетипичных для выступлений местах. До сих пор группа выступала на крышах троллейбуса, на станциях метро, на Красной площади, на крыше здания напротив спецприемника и автомобильной заправочной станции, в зале, где происходила демонстрация мод, и в Храме Христа Спасителя. (Gessen 2014.) Участники Pussy Riot считают, что концепт концертов в типичных местах устарел, поэтому музыкантам важно работать в городском пространстве. (Живой журнал Pussy Riot, www & Volkova 2011, www.) Участницы выступают анонимно и одеваются в балаклавы и костюмы яркого цвета. Этим они хотят подчеркнуть цельность и антииерархичность группы. (Живой журнал Pussy Riot, www).

Несмотря на западное влияние в принципах Pussy Riot, самая форма их активизма имеет корни в русской культуре. Pussy Riot и арт-группа «Война», в которой несколько участниц принимали участие до создания Pussy Riot, можно считать прямым продолжением акционизма, процветавшего в Москве после распада Советского Союза. Данные перформансы чаще всего принимаются как рефлексия хаотической ситуации в постсоветской России и контрмера к западной культуре, но, как утверждает Майданчик, они также были сильно характеризованы понятием спектакля. С гласностью и после распада Советского Союза СМИ были освобождены от регуляции, которая означала рост изданий популярной культуры и появление так называемой «чернухи», интерес к сексу, насилию и катастрофам. Используя сенсационные практики в своем действии, московские акционисты достигли большой известности не только в России, но и за рубежом; кроме этого, в перформансах стирались границы между искусством и популярной культурой. (Maydanchik 2012: 111-115.) Такая же сенсационность, безусловно, характерна и для активизма Pussy Riot, которая отличается от сегодняшних акционистов, как, например, Петр Павленский⁵, также сильно и радикально обсуждающего политические проблемы страны именно с использованием феминизма и женского тела как части акционизма.

---

⁵ Петр Павленский (8.3.1984) — политический активист и художник. Он известен своими потрясающими перформансами. Он провел акцию, между прочим, в поддержку Pussy Riot. Павленский зашил свой рот ниткой и стоял у Казанского собора, держа в руках плакат с надписью: «Акция Pussy Riot была переигрыванием знаменитой акции Иисуса Христа (Мф.21:12-13)».

Так как анализ моего материала будет касаться именно дискуссии, возникшей после акции в Храме Христа Спасителя и так как из разных акций группы именно на нее широко обратили внимание, я буду кратко описывать данную акцию и ее последствия. Чтобы понять реакцию власти на акции Pussy Riot, важно помнить, что в России началось крупное протестное движение в конце 2011 года. Данное движение было связано с недовольством выборами в Государственную Думу, и в демонстрациях участвовали довольно различные по своим взглядам политические группы и организации, а также частные люди. Поэтому и причины участия были разнообразными. Демонстрации продолжались и достигли пика в начале 2012 года, во время президентской кампании президента. Как полагает Маша Гессен, в ситуации, в которой протест стал мейнстримом, группа Pussy Riot была вынуждена придумать новые радикальные способы протеста. Тогда они придумали выступить на Лобном месте Красной Площади, это была акция, которая стала их самой известной. Но данную акцию было уже трудно превзойти. Одним из вариантов было выступление в самом Кремле, но у участников группы не было возможности попасть в него.

Гессен полагает, что, так как все шире распространяющееся протестное движение было уже угрозой Кремлю, Путин стал использовать православную церковь в качестве союзника. Патриарх Кирилл лично обратился к верующим накануне масштабного протеста и советовал верующим, как относиться к протестам. (Gessen 2014 97-110.) Он сказал после литургии в Храме Христа Спасителя, что «православные люди не умеют выходить на демонстрации, они стоят к поясу Пресвятой Богородицы, и если бы пояс тот был не месяц, а полгода, то не три миллиона, а 40-50 миллионов стояли бы в этой очереди. Мы это точно знаем, потому что живем в православной в большинстве своем стране» (gazeta.ru 2012, www). Патриарх Кирилл также благословил роль Путина как вождя страны на их встрече в феврале 2012 года. На основе интервью с участниками Pussy Riot Гессен полагает, что именно в этих событиях лежит причина того, что группа решила устроить свою следующую акцию именно в Храме Христа Спасителя.

Так как Храм Христа Спасителя находится под бдительной охраной, участники Pussy Riot боялись, что у них не будет возможности допеть свою песню перед тем, как их выгонят из церкви. Поэтому группа решила записать песню заранее и также снять видеоролик в какой-то другой, менее крупной церкви. После этого они решили выступить в самом Храме Христа Спасителя и потом соединить материалы в один видеоклип. (Gessen 2013: 107-115.) Они также решили не выступать во время службы, потому что они хотели привлечь внимание верующих

к тому, что они хотят сказать своим действием, а не просто вызвать неодобрение. Они также не хотели быть арестованными. (Там же: 112.)

Пять участниц группы участвовали в так-называемом панк-молебне 21 февраля 2012 года. Участницы были одеты в ярко-цветные безрукавные платья, колготки и балаклавы. (Bernstein 2013:220.) Они правильно предусмотрели, что охранники прервут их акцию быстро. Одну участницу, Екатерину Самуцевич, увезли уже перед началом песни, и других тоже до того как они могли допеть песню до конца (Bernstein 2013: 220, Gessen 2014:117). Участницы Pussy Riot прыгали у алтаря, иконостас был за их спинами, и они пели песню, которая была смесью между панком и традиционным православным песнопением Слова песни призывали Богородицу стать феминисткой и прогнать Путина, критиковали отношение православной церкви к женщинам и людям ЛГБТ, патриархат и связь между Патриархатом Кириллом, КГБ и Путиным. (Bernstein 2013:220.)

Участниц не арестовали сразу после выступления, а только примерно спустя две недели. Трех активисток группы, Марию Алехину, Надежду Толоконникову и Екатерину Самуцевич, арестовали по обвинению в хулиганстве по мотивам религиозной вражды в связи с акцией. Судебное дело длилось долго и кончилось приговором, согласно которому участницы были объявлены виновными в вышеупомянутом преступлении и приговорены к двум годам лишения свободы в колонии общего режима. (Там же: 220-221.) Наказание Екатерине Самуцевич позже отменили, так как она не успела участвовать в акции (Дождь, www: 2012). Толоконникова и Алехина вышли на свободу в декабре 2013 года по амнистии к 20-летию Конституции России (BBC Russia: 2013). В апреле 2014 года московский городской суд смягчил наказание участницам панк-группы на один месяц и из приговора исключили формулировку о том, что действия Pussy Riot были направлены "на возбуждение ненависти к определенной группе лиц". (Интерфакс www: 2014.)

Отношение между освобожденными участниками группы Алехиной и Толоконниковой и теми участниками, личности которых являются неизвестными до сих пор, стали сложными, когда Алехина и Толоконникова стали снова работать как активистки. Согласно данным блога группы в Живом Журнале, остальные участницы были недовольны настоящим действием Алехины и Толоконниковой, так как они «забыли о стремлениях и идеалах нашей группы: феминизм, сепаратистское сопротивление, борьба против авторитаризма и культа личности». В блоге сообщается, что Алехина и Толоконникова уже не являются участниками Pussy Riot и вместо акционизма занимаются защитой права заключенных (Живой Журнал Pussy Riot www:

2014.) Все-таки Алехина и Толоконникова вместе с другими активистами выступали под именем Pussy Riot еще в феврале в 2015 года, когда они выпустили новое видео с названием «I Can't Breathe», которые были последними словами задушенного полицейским американца Эрика Гарнера (YouTube PussyRiotVideo [www: 2015](#) & Телеканал Дождь [www: 2014](#)).

Итак, после представления деятельности и важнейших целей и идеологии Pussy Riot, по моему, ясно, что группа является весьма интересным объектом исследования. Они вынесли практики феминистского активизма, которые, по большей части, нехарактерны для России, на общее обозрение. Они, несомненно являются самыми известными русскими активистами, и их за их деятельностью следят внимательно и за рубежом. Панк-молебен Pussy Riot обсуждали во всех крупных российских газетах и по телевидению. Количество источников СМИ, касающихся Pussy Riot, огромное, и поэтому я решила сконцентрироваться на медиатекстах, написанных в месяцы после так называемого панк-молебна в Храме Христа Спасителя. Чтобы приобрести глубокое понимание о том, какие дискурсы гендера присутствуют в российских СМИ, я выбрала материал из печатных СМИ, телевидения и Интернета, так как у данных форм СМИ есть разные потребители и их функции также разные. Они относятся по-разному и к публике, например, блоги открыты для комментариев читателей, а в ток-шоу представители публики выбраны заранее. Отдельные статьи, ток-шоу и блоги, которые являются материалом моего анализа, я рассматриваю только в аналитической части работы.

1.3. Прежние исследования о Pussy Riot

Ниже будет представлено, в каком ракурсе уже была исследована группа, но все исследования по теме, конечно, невозможно включить в мою работу. Поэтому я представляю компактно такие исследования, которые могут быть мне полезны в аналитической части работы и помогут понять дискуссию СМИ о Pussy Riot. Как было отмечено в предыдущей главе, активизм Pussy Riot является многообразным. Он включает в себя и феминизм, политику, музыку, перформанс, и новые форматы массовой информации, и, как мне кажется, именно поэтому является довольно интересным предметом для исследования. Многие интересовались Pussy Riot как политическим и культурным феноменом. Также интересно то, что действие группы было встречено волной критики в России, когда во многих европейских странах, в отличие от России, быстро возникли движения, проявившие свою солидарность к Pussy Riot.

На Западе не смогли понимать мотивов ареста, так как Россия, по крайней мере официально, является демократическим государством. Как в такой стране можно попасть в тюрьму из-за исполнений песни в церкви?

В российских СМИ, в свою очередь, сосредоточились на обсуждении того, как строго должны быть наказаны участницы группы, и общественное мнение было против действия Pussy Riot. Как отмечает Аня Бернштейн, глобальные СМИ видели в произошедшем конфликт либо между верующими и атеистами, националистами и интернационалистами, либо между либеральной интеллигенцией и консервативным народом. В России дискуссии были более сложные. Правда, что большинство защитников Pussy Riot были представители интеллигенции, но даже многие из них критиковали выбор места выполнения панк-молебна. Многие все-таки думали, что тюремный срок является несправедливым. В процессе рассмотрения судебного дела все больше людей стало сопротивляться тюремному сроку, однако некоторые думали, что тюремный срок не является достаточно строгим наказанием. Бернштейн исследовала дискурсы разных авторов времени судебного дела и обнаружила, что они сосредотачиваются на телах трех арестованных участниц Pussy Riot. В дискурсах повторяются фантазии о телесных наказаниях Pussy Riot, вымазывании в смоле и перьях и, между прочим, сечении плетью. Она также заметила, что картинки, сделанные защитниками группы, включали в себя элемент сексуализации участниц. Исследованные Бернштейн дискурсы разные, но все используют женское тело как средство выявить жертвование, дисциплину или указы. (Bernstein 2013.)

Елена Гапова анализировала панк-молебен с точки зрения феминизма и класса. Она рассматривает отношение православных к происшедшему и одновременно к самой группе Pussy Riot. На основе анализа разных комментариев из газет и блогов показано, что православие в России – форма патриотизма и поэтому противостояние о том, что нельзя делать в храме, является также столкновением в отношении современного содержания веры и собственно понятия «русскости». Также отмечается, что феминизм Pussy Riot не считается русским, так как теории, влияющие на них, – западные, и их цели видятся многими как буржуазные. То есть споры вокруг Pussy Riot являются проявлением классового противостояния. (Гапова 2014, www.) Феминистский активист и исследователь Вера Акулова является представителем мнения, согласно которому цели деятельности Pussy Riot прежде всего артистические, а не сосредотачиваются на конкретных проблемах женщин и их решении. Она также утверждает, что сотрудничество группы с феминистскими активистами было кратковременное и поверхностное и что группа в своей деятельности эксплуатирует привилегию среднего класса. Это привилегированный статус, согласно Акуловой, был виден и на акции в Храме Христа

Спасителя, так как храм представляет собой символ веры для людей в самом уязвимом положении в обществе. (Akulova 2013.)

Ингвэр Стейнхолдт в свою очередь предполагает, что многие россияне одобряют критику православной церкви как институции, но не верят, что Pussy Riot искренне хотели критиковать близкую связь между Путиным и патриархом Кириллом, а не обижать чувства верующих. Согласно Стейнхолдт, Pussy Riot действует в сфере активизма, использующего перформанс и современное искусство, а не в сфере популярной музыки или панка. Данный аргумент она обосновывает тем, что некоторые участницы Pussy Riot раньше действовали в группе активистов «Война», и тем, что их акции получили мало признания среди российских панк-музыкантов. (Steinholdt 2013.) Полли МакМайкл в свою очередь хочет подчеркнуть значение музыки и панка в действии группы. Согласно автору, важно исследовать музыку группы, чтобы понять, как значение панка влияло на реакцию на активизм группы в России и за рубежом. Она предполагает, что несанкционированные выступления Pussy Riot передавали мифологию советского панка и рока, но более важный пункт в действии группы как «панка» был тот, что они использовали тропы данного жанра, знакомые и понятные для западной публики. Автор также предлагает, что, так как участницы Pussy Riot следят за глобальным протестным движением и взглядом западных СМИ на Путина, они могли конструировать форму активизма, которая была понятной для западной публики. (McMichael 2013.)

Акции Pussy Riot можно видеть как часть глобального протестного движения, у которого главное средство выражения – апроприация. Влад Струков исследовал группу именно с этой точки зрения. Используя примеры из Интернета, автор излагает позицию, что Pussy Riot является глобальным мемом, который распространяется и меняется форму в новых средствах массовой информации, как, например, в социальных сетях. Согласно Струкову, для новых социальных средств массовой информации важно понимание DIY. У растущей группы людей новые социальные форматы массовой информации заменяют телевидение. Данные форматы социальных СМИ позволяют пользователям таких форматов самим создавать содержание для Интернета и также переделывать первоначальное содержание. Так как феномен Pussy Riot символизирует растущую роль новых форматов СМИ, Струков предлагает, что реакцию органов власти к Pussy Riot можно видеть как способ сохранить традиционную сферу СМИ, а не как способ удержаться у власти. (Strukov 2013.) Я сомневаюсь, что суровое отношение органов власти к происшедшему является лишь результатом того, что новые, независимые от власти, СМИ угрожают власти, но, конечно, политическое влияние акции Pussy Riot не

достигло бы таких масштабов без талантливое использование новых медиаформатов. Поэтому нельзя игнорировать роль СМИ в происшедшем.

Градскова, Петрусенко и Сандомирская исследовали рецепцию акции Pussy Riot и обнаружили, что коллективное беспокойство, которое следовало акции, было вызвано страхом политической и активной женщины, борющейся за свое признание как субъекта. Этот страх они нашли в самых разных материалах (Gradszkova и др. 2013, [www.](#)), и, как я предполагаю, будет обнаружено и в моем материале анализа.

2. Теории дискурса

В этой главе я представляю теорию, с помощью которой я буду анализировать выбранный мной материал. Целью настоящей работы является анализ конструирования гендера в дискурсах про Pussy Riot в разных медиатекстах. Я буду также анализировать, кто участвует в дискурсах о Pussy Riot. Для данной задачи, на мой взгляд, самой подходящей методикой анализа является критический дискурс-анализ, так как он рассматривает связи между властью, политикой, идеологиями и дискурсами, но в первую очередь я представляю сам термин «дискурс» и только после этого рассматриваю критический дискурс-анализ.

Так как материал моего дискурс-анализа – медиатексты, из разных методов дискурс-анализа придется использовать подходы, сосредоточивающиеся на дискурсах СМИ. Я опираюсь на методологию анализа СМИ, хорошо и подробно описанную Норманом Фэркло в его книге *Media Discourse* (1995). Также то, что я буду анализировать конструкцию гендера в дискурсах, требует привлечения для изучения гендерной точки зрения на дискурс. В данной задаче мне полезна теория Терезы де Лауретис о «технологии гендера», так как она подробно показывает различие между биологическим полом и гендером и обнаруживают те способы и практики, которые конструирует гендер в дискурсах.

2.1. Объяснение терминов дискурса и дискурс-анализа

Дискурс-анализ не является одним определенным методом исследования, а он включает в себя разные возможности изучения и применения методов. Большинство теорий дискурса, в том числе теория Фэркло, ведет начало от теории французского философа-постструктуралиста Мишеля Фуко. У самого термин «дискурс» довольно разные объяснения у разных исследователей. Ниже я представляю, как объясняли термин дискурс разные исследователи и также то, для каких целей его можно использоваться в анализе.

Термин «дискурс» можно объяснить как практику речи или мышления, сформулированную через повторение и вариацию о какой-то определенной теме (Vuori 2001:80), но термин можно также использовать, чтобы описать определенные дискурсивные практики, так как о каком-то событии или теме часто существуют разные мнения, которые также реализуют в разных языковых практиках (Fairclough 2003:3-4, Pietikäinen 1999:192). В таком случае обычно говорят о «дискурсах» во множественном числе (Pietikäinen 1999:192), мы можем, например, говорить о феминистских дискурсах. Также важно подчеркнуть социальный характер дискурса, так как термин «дискурс» представляет особую точку зрения на язык, в которой язык является элементом социальной жизни, тесно соединяющийся с другими элементами и аспектами социальной жизни (Fairclough 2003:3-4). Данные определения дискурса можно соединить в анализе.

Фэркло является представителем направления критического дискурс-анализа (далее КДА), основание и отправной пункт которого лежат в социальных теориях. В основе данных теорий – понимание конструктивистского характера дискурса, согласно которому дискурс имеет социальные влияния на окружающий мир, на те события и феномены, о которых пишут и говорят, и одновременно мир влияет на дискурсивные практики. (Pietikäinen 2000:192) Самые распространенные теории, на которые исследователи КДА опираются, – формулировки Мишеля Фуко о порядках дискурса и власти, реализуемой в дискурсах. Понятие «гегемония»⁶ Антонио Грамши и концепции, например, о школе, церкви и семье как «идеологических государственных аппаратах»⁷ Луи Альтшюссера также имели влияние на формирование КДА (Blommaert 2005:27). Позднее я представлю и теорию Терезы де Лауретис о технологии гендера, в котором де Лауретис использует концепцию «идеологический государственный аппарат» Альтшюссера в целях теоретизации гендера как социальной и культурной конструкции.

---

⁶ Гегемония значит доминирующее и господствующее положение какой-то идеологии в культуре и обществе. Теория Антонио Грамши о гегемонии подчеркивает, что культурные практики являются фундаментальными для достижения доминирующего положения в обществе, поэтому язык и дискурс занимают важное место в конструировании гегемонии. Следует заметить, что не все поддерживают господствующую идеологию, и поэтому гегемонистское положение нельзя достичь целиком. Из этого следует, что за гегемонию постоянно борются. (Fairclough 1997: 67-68, 78.)

⁷ Здесь под термином идеология имеется виду структура, которая включает в себя так и мышление, ценности и поверья, как и те практики, в которых они осуществляются. Эта структура нейтрализует и делает незаметными властные отношения и таким образом поддерживает их. Идеологическими государственными аппаратами являются религиозные, семейные, педагогические, политические и культурные институции, а также институции СМИ. В отличие от законодательства, армии и полиции идеологические государственные аппараты не используют насилие в своем действии, а влияют, прежде всего, через идеи и ценности. (Althusser 1984: 86-140.)

Так как вышеупомянутые теоретики осознали все возрастающее значение языка в обществе и его властных отношениях, стали говорить о лингвистическом повороте в социальных науках. Главные выводы настоящих теорий – это то, что в современном обществе власть все больше и больше выполняется через идеологию и особенно через идеологические практики языка, и, важно подчеркнуть, что функции, которые язык выполняет, прибавляются. В своей работе *Power and discourse* Фэркло считает, что идеология присутствует и распространяется в языке. Это значит, на его взгляд, что одна из главных тем социальных наук должна изучать идеологический характер языка. (Fairclough 1989: 2-3.) Сегодня дискурс-анализ с разными интерпретациями – одна из самых популярных методик как в лингвистике, так и в гуманитарных и социальных науках, но, конечно, не все, кто использует эту методику, осознают значимость власти в дискурсивных практиках.

Как уже отмечалось выше, дискурс имеет много функций. Социальный характер дискурса означает, что язык (в том числе устный и письменный) имеет особый характер, строящий социальную реальность. Другими словами, в дискурсах конструируются отношения между людьми. Существуют многие разные, параллельные системы значений, которые конфликтуют друг с другом, так как в разных дискурсах присутствуют разные идеологии. Субъекты прикрепляются к этим системам значений, и поэтому для языка характерно вызывать социальные эффекты. Действие значений дискурсов зависит от контекста, то есть значения в дискурсах изменчивы, они имеют разные значения в разные времена и ситуации. (Jokinen, Juhila, Suoninen 1993: 17-18.)

Самое важное наблюдение дискурс-анализа – это то, что язык не просто отражает реальность. Язык имеет двойную функцию, так как он одновременно и строит реальность, и является частью этой реальности. (Там же: 9.) Цель дискурс-анализа – описать, как построена социальная реальность и как ее постоянно строят в самых разных дискурсивных ситуациях (там же: 21). Для современного дискурс-анализа характерно представление о многообразии систем значений, то есть параллельные или соперничающие системы дают значения миру и его процессам, и отношениям (там же: 24). Вкратце, дискурс-анализ не видит язык как отдельный элемент от средства, в котором его используется. Ниже я представляю главные идеи КДА, который, как уже отмечалось выше, является одним из направлений дискурс-анализа.

2.2. Критический дискурс-анализ

КДА разделяет описанные выше характеристики, но, кроме того, представители данного направления обращают особенное внимание на то, как, кем и на каких идеологических основах строят реальность с помощью языка и какие последствия это имеет. Как дискурс-анализ, так и КДА не является одним определенным методом исследования, но общее в этих направлениях – понимание, что дискурсы выражают идеологии и отношения, и поэтому они имеют политический аспект.

КДА основывается на конструктивизме и на идее, что язык не только является взаимодействием между людьми, а он также тесно связан с теми сообществами, в которых язык используется (Luukka 2000:151-152). Однако, в отличие от других видов дискурс-анализа, КДА не только подчеркивает то, что дискурс конструирует социальную реальность, но и рассматривает его как определенный способ контроля в обществе (Русакова, Ишменев 2006: 37). То есть важный аспект КДА – это акцент на властно-политическую и идеологическую природу дискурса. В центре особенного внимания – отношения подчинения, неравенства, дискриминации, реализуемые в дискурсивных практиках. Следует заметить, что никакая идея сама по себе не является идеологической, а может становиться идеологической только когда регулирующие власть институты, как, например, СМИ ухватывается на идею и включает ее в идеологическую репродукцию (Fowler 2004: 162-163). Для рассмотрения властных и идеологических аспектов дискурса полезны те теории Фуко, которые приписывают центральную роль дискурсу в развитии современных форм власти (Fairclough 1989:12).

Фуко исследовал, как институты обновляют, укрепляют и нормализуют гегемонистские дискурсы. Согласно ему, используемые людьми дискурсы установлены конвенциями дискурса. Это он называет «порядок дискурса», который воплощает определенные идеологии. (Foucault 2005.) Трансформациями в дискурсивных практиках можно изменить социальные нормы и регуляции (Русакова, Ишменев 2006: 37), и, как предполагает Бломмаерт, также наоборот: структура системы мира влияет на коммуникативные события (Blommaert 2005:15).

То, что идеологии присутствуют в дискурсах, не всегда легко обнаружить, потому что они часто являются в тексте как задний фон, как неоспоримые предложения. Они существуют в качестве заднего фона без вопроса о том, почему они там. (Fairclough 1997: 25-31.) Поэтому задача КДА, во-первых, раскрывать те способы, через которых социальные структуры,

например, в качестве отношений власти, идеологические эффекты, соединяются с дискурсивными практиками, и, во-вторых, проблематизировать данные связи. Короче говоря, в фокусе критики КДА – перекресток языка (в том числе дискурс, устная речь, тексты) и социальных структур. (Blommaert 2005:25.)

Дискурсивные практики СМИ важно анализировать критически, так как СМИ способны влиять на знание, мнения, ценности, социальные отношения и идентичности (Fairclough 1997:10). Дискурсы СМИ интересны также тем, что характер властных отношений, реализующийся в них, часто не являются ясным. Поэтому можно утверждать, что дискурсы СМИ включают в себя скрытые отношения власти и, таким образом, влияют на то, какие вещи представляются нам значимыми (Fairclough 1989:49, 1997:10.) Мощьность СМИ заключается именно, но не только, в языке. Также визуальность играет особую роль в СМИ, и ее стоило бы принять во внимание, чтобы вести подробный анализ дискурсов СМИ (Fairclough 1997:10). Мой анализ все-таки будет ограничен только языком, так как объем моей работы достаточно ограниченный для полного, глубокого анализа и языка, и визуальности.

Любая часть текста (в моей работе используется термин «текст» в широком смысле, чтобы обозначить и медиатексты, в том числе телепередачи) одновременно репрезентирует мир и его действия и отношения, формирует идентичности и отношения между людьми (там же:14). Согласно Фэркло, цель КДА – основательный и глубокий анализ текста, который обнаруживает идеологии, находящиеся в тексте (Fairclough 1995: 25-31). Он подчеркивает, что для этого нужна помощь других теорий, так как КДА сам по себе не может объяснить элементы власти, находящиеся в дискурсах (там же: 27). В данной работе гендерные теории дискурса и репрезентации гендера имеют большое значение, так как они не просто обнаруживают конструирование гендера в дискурсах, а пытаются объяснить, почему именно такие дискурсы используют и для каких целей.

КДА имеет политический аспект, так как для КДА не хватает того, что социальные аспекты языка эксплицируют, а данные аспекты надо еще превратить в объекты моральной и политической оценки. Анализ данных аспектов может раскрывать новые способы видеть злоупотребление власти и неправоту в обществе, которое в идеальной ситуации мобилизует людей исправлять их, может найти способы конструировать дискурсы, разрешающие говорить тем, у которых нет голоса в обществе. Исследователь Ян Блумарт даже требует, что описанное выше влияние на общество должно быть непосредственное и являться главной целью для исследователей (Blommaert 2005:25.) КДА отличается от других дискурс-теорий

тем, что исследователи КДА, как правило, сознательно пристрастные, так как они поддерживают угнетаемые социальные группы и сопротивляются против тех, кто производит угнетающие дискурсы (Русакова, Ишменев 2006: 37).

Как было отмечено выше, главными вопросами КДА являются отношения власти, идеологии и идентичности и их конструирование в дискурсах. Далее я представляю термин «репрезентация», который является центральным во многих теориях КДА, как и в моем анализе конструирования гендера в дискурсах.

2.3. Репрезентации в дискурсах СМИ

Репрезентация – одно из ключевых понятий в анализе отношений и гендера в СМИ. В различных дискурсах можно найти разные, даже противоположные репрезентации об одном и том же самом предмете, что является крайне интересным для моего анализа. С точки зрения моей работы интересно, что исследование репрезентации стало популярным одновременно с развитием исследований в области теории культуры в 1980-годах с их интересом к социальным статусам и идентичностям. Это прямо касается моей работы, так как гендерные вопросы тесно связаны с идентичностью.

Репрезентация одновременно задает знак, и сама предстает как знаковый феномен. Она оперирует теми символическими знаками, которые представляют одно в другом и посредством другого. (СНА: репрезентация, www.) Рождение репрезентации происходит из результата событий, в котором картины, объекты или людей объединяют значения через язык (Paasonen 2010: 40), например, слово *книга* представляет реально существующий объект, и что важно, нельзя обсуждать книгу как объект без концепции книги. То есть репрезентация – продукция значения концепций в наших сознаниях, которая передается через язык. (Hall 1997: 16-17.) Именно поэтому репрезентация играет важную роль в миропонимании. Но, кроме того, что нам нужна репрезентация, чтобы интерпретировать мир и чтобы видеть в нем значение и смысл, одновременно придаются значения окружающему миру и его социальным отношениям, так как мы организуем, группируем и классифицируем концепции и создаем разнообразные отношения между ними (Hall 1997: 17, Paasonen 2010: 40). Поэтому хотя КДА настаивает на понимании, что реальность всегда передана через язык и разные семиотические

знаковые системы, в анализе репрезентации нужно обратить внимание и на властные отношения и политику (Sihvonen 2006:130), и на то, что в основе репрезентаций, используемых какой-то группой, лежит какая-то идеология (Van Dijk 1998:8). Здесь также важно помнить наблюдение Фуко, согласно которому, используемые людьми дискурсы установлены конвенциями дискурса (Foucault 1989: 28).

Репрезентация функционирует в дискурсах разными образами. Я проанализирую дискурс с точки зрения семиотики, в которой предмет исследования – знак и то, как знаки и знаковые системы функционируют и как в этих процессах формируется значения. (Huttunen&Veivo 1999: 16-20.) В моем анализе я намереваюсь обратить внимание на выбор лексики, метафоры и репрезентации, потому что, согласно Фэркло, характерные признаки дискурсов и разница между дискурсами видна, как и в вышеупомянутом выборе слов. (Fairclough1997:137-138.) То, какая лексика используется, выражает определенные дискурсы (Edley 2001: 198), то есть для разных дискурсов характерно использование разных слов.

Использование репрезентации является политическим действием, так как в отношениях власти, в том числе в СМИ, постоянно борются за то, какие репрезентации используют. Другими словами, это борьба за то, что делают видным, о чем можно говорить и как. Репрезентации не могут существовать вне властных отношений, а репрезентации сформированы этими отношениями. (Tagg 1993:21.) То, как события, ситуации и отношения между людьми и социальными группами репрезентируют, конечно, не может нейтрально отражать реальные обстоятельства жизни и мира, как уже отмечалось раньше, а скорее данные репрезентации формируют разные варианты реальности с разных точек зрения на мир. На это мировоззрение влияют такие факторы, как, например, социальный статус автора текста и цель написания текста. Значимо и то, какие элементы в дискурсах поставлены на первое место, и какие выступают как фон. (Fairclough 1997:137-138.)

Также важно обнаруживать элементы, выражающие процессы, участников и условия в дискурсе, и задавать важный вопрос о том, почему выбраны именно эти процессы, участники и условия из всех возможных вариантов (там же:137). Термин «репрезентация» не только опознает знак, картину или слово, которое представляет или описывает чего или кого-то другого, но термин можно использовать и в более широком смысле, в ситуациях, когда конкретный человек действует от имени кого-либо или вместо кого-либо. Такая ситуация существует, например, в представительной демократии, в которой депутаты, выбранные гражданами, по крайней мере, в идеальной ситуации, представляют интересы этих граждан и

выступают вместо них в парламенте (Rossi 2010: 263-264). Это интересное понимание и с точки зрения СМИ – кто говорит и говорит ли он вместо кого-либо другого? Кому вообще доступно говорить в СМИ разных типов? Анализируя репрезентации, кроме того, что написано и сказано, следует обратить внимание на то, что отсутствует в тексте.

Присутствие и отсутствие в тексте не противоположные друг с другом явления, а в дискурсах существуют разные степени видимости и присутствия. (Fairclough 1997:139.)

Вопрос о том, как репрезентируют разных людей в дискурсах, тесно связан с вопросами об идентичности и отношении. Эти вопросы я рассматриваю глубже в следующем разделе.

2.4. Социальные отношения в дискурсах СМИ

С помощью репрезентации конструируется идентичности и отношения между людьми и социальными группами, представленными в дискурсах СМИ. Репрезентируя события, отношения, ситуации и т.п., у акторов дискурса всегда есть возможность выбрать из весьма разных лексических элементов. Это называется выбор дискурсов. В определенных дискурсах есть свои систематические образы репрезентации, и это может иметь идеологическое влияние. (Fairclough 1997: 143-144.) Дискурсы всегда ссылаются на другие дискурсы. Эта интертекстуальность функционирует по-разному в разных жанрах, и, как напоминает Фуко, самое главное – исследовать дискурс в контексте его использования, так как дискурс выполняет разные функции в разные времена. (Foucault 2005:36-39.)

Тот человек, который репрезентирует что-то, выбирает слова и метафоры из тех, которые он знает, и таким образом обсуждаемое в дискурсе дело входит в какую-то данную предварительную категорию. Вопрос о том, представляются ли люди в дискурсе субъектами или объектами, – один из главных в КДА (Fairclough 1997: 147.). В моем анализе дискурса гендера я хочу обратить внимание на него. Не все акторы всегда даже присутствуют в дискурсе, и поэтому также важно обратить внимание на отсутствующие в тексте репрезентации (там же: 139).

Все тексты содержат в себе эксплицитные и имплицитные значения. Эксплицитными значениями является то, что выражено открыто и прямо, а имплицитными значениями

является то, что дается понять, но не выражается прямо. Важно заметить, что идеологии чаще всего присутствуют в дискурсах именно имплицитно как выражения так называемого здравого смысла (Fairclough 1989:2). Предполагается, что читатель текста соглашается с этими выражениями, и таким образом конструируется идентичность читателя. (Fairclough 1997: 140). В общем, для СМИ характерно стирание границы между большинством людей и людьми, принимающими политические решения. Из этого следует обобщение, что ценности и процедуры тех, у кого есть возможность и авторитет принимать решения, касаются всего народа. Таким образом, легитимируется, поддерживается и сохраняется властные отношения, и, кроме того, создается впечатление, что между ценностями данных людей существует консенсус, хотя на самом деле, такого консенсуса нет. (Там же:143.)

Как отмечает Фэркло, большей частью дискурсы СМИ состоят из взаимодействия трех разных групп: журналистов (в том числе, и дикторов и ведущих программ), публики и так называемых других участников, например, представителей публичной сферы (например, политиков, исследователей, духовных лидеров и специалистов). Важно обратить внимание на то, как представители этих разных групп участвуют в дискуссии и кому вообще разрешается участвовать. Представители так называемых «других участников» могут представлять неприятными, противными или похожими друг на друга, и, как отмечалось уже выше, важно замечать также возможные отсутствия некоторых групп. Репрезентации и конструкции разных групп не всегда бывают явными (Fairclough 1997:165), например, все участники не включаются в состав какой-то определенной группы, которую можно назвать.

Анализируя идентичности в дискурсах СМИ, мы должны обратить внимание на то, каким образом СМИ конструирует индивидуальные и общественные идентичности для журналистов, публики и других участников и какими являются эти идентичности. Также важно отметить связи между разными группами и проанализировать, как они сконструированы. (Fairclough 1997:165.) Согласно Фэркло, то, как конструируют отношения и связи между участниками, зависит от жанра, например, телевидение является более интимным видом СМИ, чем печатные СМИ, и поэтому хорошо подходит для культур, подчеркивающих индивидуальность. Из этого следует, что в телевидении часто на переднем плане скорее знаменитости, чем специалисты. (Fairclough 1997:56.) Так как материалы, использованные Фэркло в его работе *Media Talk* американские и английские, нельзя думать, что его наблюдения подходят и для анализа российских СМИ, но, я считаю, и это утверждение стоит рассмотреть, что индивидуалистическая культура со своими российскими особенностями, возможно, появляется и в российских СМИ.

3. Гендер и дискурс

В этой главе я представляю главные цели феминистских теорий дискурса и те элементы дискурса, которыми они больше всего занимаются. Как уже отмечалось выше, стремление исследователей направления критического дискурс-анализа – заставить концепцию дискурса служить политическим целям, в основном ставит в центр внимания отношения подчинения, неравенства и дискриминации, реализуемые в дискурсивных практиках. Фундаментальное свойство как для критического дискурс-анализа, так и для многих феминистских теорий дискурса – это критический взгляд на неравноправное социальное устройство, сохраняемое в языке и дискурсивных практиках, и стремление к их перемене. Феминистские дискурсивные теории относятся к группе критических дискурсивных теорий, но концентрируется именно на том, как гендер и гендерные отношения, и в том числе гендерное неравенство реализуются в дискурсах. Феминистский взгляд на дискурс в основном опирается на ту же методологию и те же теоретические основы, как критический дискурс-анализ, но, кроме того, опирается и на гендерные исследования.

3.1. Дискурс-анализ с точки зрения гендерного исследования

Многие феминистские теории дискурса используют теорию дискурса Фуко, но в решении нашей задачи необходимо сделать политический потенциал теоретизации дискурса более рельефным, выпуклым, очевидным, чем в теориях Фуко. На самом деле Фуко сам не обратил особенного внимания на роль гендера в его теоретизации о дискурсах сексуальности, но, однако, его наблюдения о власти являются весьма подходящими для теории дискурса, сосредоточивающихся на гендере и гендерных отношениях. (Mills 1997: 77.) Согласно Блумарту, в конце концов, структура мировой системы, в том числе глобализация и неравноправие, влияет на коммуникативные события (Blommaert 2005: 15), поэтому можно

утверждать о том, что и гендерные отношения влияют на коммуникацию, включая в себя дискурсы.

Отношения власти и роль женщин в этих отношениях являются важными вопросами для феминистских исследователей дискурса в основном. Раньше исследователи чаще всего видели женщин как униженную мужчинами группу, но современные теории дискурса и гендера, вместо этого, обращают внимание на то, как власть выражается в отношениях повседневности и, что важно, в способах, с помощью которых индивиды против нее сопротивляются. (Mills 1997:77-78.) То есть современные феминистские исследователи выделяют точку зрения Фуко в том, что у власти всегда есть и сопротивление. Холл разделяет эту идею и подчеркивает, что, хотя то, как разные группы людей представляются через репрезентации, влияет на то, как к ним относятся, система репрезентаций может меняться, так как значения, связанные с репрезентациями, открыты для критики, для различных интерпретаций (Hall 1999: 210-211).

Паасонен поддерживает точку зрения Фэркло о том, что СМИ с системой репрезентации являются центральными для современной повседневной жизни, и влияют на то, как мы понимаем окружающий мир. Так как дискурсы влияют на то, каким общество формируется, репрезентации участвуют в обновлении и конструировании понимания гендера. (Paasonen 2010:41.) Дискурсивные структуры, связанные с гендером, все-таки меняются со временем, так как люди сопротивляются против гендерной дискриминации. Конечно, перемены в социальных структурах общества также влияют на перемены в дискурсах. Тут важно заметить, что дискурс – это не что-то, что делается нами, а наоборот, является активным действием (Mills 1997:88.) Именно поэтому угнетающим дискурсам можно сопротивляться.

Согласно Блумарту, КДА подчеркивает, что каждое высказывание, сформированное человеком, выражает в себе как социальный статус и возраст человека, но также выражает и его гендер. Также важно заметить, что в высказываниях выражается идентичность того человека, кто их говорит, и одновременно выражаются и ожидания относительно того, что тот человек намерен достичь в этом коммуникативном событии. (Blommaert 2005:10–11.) Отсюда следует, что в феминистском дискурс-анализе стоит обратить внимание на то, представлены ли класс, этническая принадлежность и гендер в дискурсе и если да, то как, и укрепляются ли в дискурсе традиционные социальные роли или наблюдается проблематизация их обоснования, следуют ли в высказываниях социальным правилам или разрушают их? Эти

элементы дискурса называются индексикальными значениями, и они закрепляют дискурс в социально-культурные модели (Blommaert 2005:11–12).

В российских СМИ основного направления редко обсуждается феминизм, и когда обсуждается, отношение к нему типично отрицательное (Sperling 1999: 78). Слова, с помощью которых можно описывать проблемы женщин, как, например, дискриминация, феминизм и гендер, могут считаться чужими, буржуазными или неуместными для ситуации в России (Sperling 1999: 85). Я полагаю, что это, безусловно, имеет влияние на репрезентации и конструирование гендера в дискурсах о Pussy Riot, так как Pussy Riot является феминистской группой.

3.2. Дискурсы как технология гендера

Гендерное исследование акцентирует влияние социальной и культурной среды в оформлении гендера, и таким образом подчеркивает, что и пол, и гендер являются изменчивыми, зависимыми от времени и места концепциями, которых формулирует политика. (Rossi 2010:22-28.) В этом разделе я представляю, как Тереза де Лауретис исследовала гендер в контексте культуры.

Чтобы развивать дискуссию о биологическом поле и гендере, итальянка Тереза де Лауретис, профессор университета Калифорнии, написала в 1987 году статью «Технология гендера». Главными областями исследования де Лауретис являются семиотика, психоанализ, теория кино и литературы, феминизм и квир-исследования. Главной идеей дискуссии была та, что биологический пол человека не определяет его гендер, а гендер конструируется в социальных и культурных условиях. Так гендер включает в себя и гендерное поведение, роли и репрезентации женщин и мужчин, и гендерную идентичность. В своем исследовании де Лауретис углубляет это понятие, представляя феминистскую критику, согласно которой гендер производится в процессе и посредством процессов деконструкции и реконструкции в дискурсе как следствие репрезентации. (Koivunen 2004:5-7.)

Как отмечалось в главе о дискурс-анализе, язык не просто отражает реальность, а строит ее и является частью этой реальности. Например, во многих культурах традиционно существует

представление о том, что мужское и женское – категории, которые дополняют, но одновременно исключают друг друга. Все люди вынуждены располагаться в этих категориях, и таким образом формируется система гендера в каждой культуре. Эта система символическая, то есть является системой значений, и она связывает пол с культурным содержанием в соответствии с общественными ценностями и иерархией положений. Значения, которые связывают с женщинами и мужчинами, разнообразны в разных культурах, но все-таки система «пол – гендер» всегда близко связана с обществом и политикой. (De Lauretis 2004: 41.)

Де Лауретис критикует понимание гендера как «сексуальную дифференциацию»⁸, то есть понимание гендера как различия между женщиной и мужчиной. На ее взгляд, понимание гендера как «сексуальной дифференциации» удерживает феминистскую мысль в пределах концептуальных рамок универсальной половой оппозиции. В таком случае женщина понимается в ее отличии от мужчины, и из этого следует то, что характеры и мужчины, и женщины понимаются как универсальные, то есть такими, которые касаются всех женщин любой культуры либо всех мужчин любой культуры. Даже если половое различие понимается абстрактно, как значения, производящиеся в дискурсах, а не в биологии или в социализации, речь идет все-таки и в этом случае о том, как женщина отличается от мужчины (De Lauretis 2004:35-37.) Такое понимание гендера неустойчиво, так как, как отмечали, например, афроамериканские феминистки, между женщинами существует большая разница, и нельзя думать, что все женщины просто отражают разные воплощения какой-то архетипической сущности женщины. (De Lauretis 2004:35-36.) Субъект – множествен, он конструируется гендером, но не только как женщина или мужчина. Гендер конструируется у субъекта через опыт расовых, классовых и сексуальных отношений (там же:37). Гендерные исследователи стали называть это явление интерсекциональностью. То есть де Лауретис относится критически к эссенциализму с пониманием, что у всех женщин есть какие-то общие черты.

Так как гендер не может происходить прямо из полового различия, если его одновременно понимать как языковой эффект или чисто воображаемый эффект, то де Лауретис приходит к другому выводу. Она подчеркивает различие между феминистским субъектом, женщиной как репрезентацией, и представлением о женщине как реальном историческом существе (там же

---

⁸ *Сексуальная дифференциация* являлся центральным термином во французской и итальянской феминистской теории, в то время как в англо-американской и скандинавской феминистской дискуссии больше всего принято использовать термин «система гендерных отношений» при обсуждении гендерных вопросов (Liljeström 1996:111).

2004: 48), и утверждает, что, на самом деле, гендер является одновременно и репрезентацией, и саморепрезентацией, так как он является и результатом различных социальных технологий, институциональных дискурсов и практик повседневной жизни. (там же: 37.) Таким образом, де Лауретис развивает мысль Фуко о дискурсах сексуальности как власти, производящей практики и понятия о сексуальности (Foucault 1998), и выражает идею, что «как и сексуальность, гендер не является свойством тел или чем-то исконно присутствующим в человеке», а, по выражению Фуко, является «набором эффектов, возникающих в телах, поведении и общественных отношениях» (de Lauretis 2004: 381, Foucault 1998). В дискурсах СМИ, кино, литературы и т.д. можно видеть репрезентацию женщины, которая часто опирается на такие стереотипы и мифы, как, например, природа, мать, мистика, женственность или объект мужского желания. (De Lauretis 2004: 48.)

Следует отметить, что гендер строится и перестраивается и сегодня, как это было и в прошлом. В настоящее время одними из самых очевидных выражений технологии гендера является СМИ, и поэтому, на мой взгляд, важно исследовать их в этой роли. Де Лауретис обнаруживает, что, хотя цель феминистского дискурса – деконструировать гендер как идеологическое репрезентационное искривление, он парадоксально сам тоже конструирует гендер. (De Lauretis 2004: 38-39.) Поэтому, на мой взгляд, важно включить в мой анализ конструирования гендера и феминистские дискурсы, которые, как отмечалось выше, хотя не поддерживают гегемонистские гендерные отношения, все же являются технологией гендера.

4. Анализ дискурсов гендера в материале СМИ о Pussy Riot

Так как материал моего анализа является российским, важно объяснить основные черты российских СМИ, особенно потому что те исследователи, на теории которых я опираюсь, не исследовали российские СМИ, как, например, Фэркло, – английские и американские. То, что в России культура и, прежде всего, политическая система другая, чем в вышеупомянутых странах, влияет на то, что у СМИ тоже есть свои национальные особенности. Итак, я считаю важным объяснить, как сформированы отношения владения российских СМИ, так как эти связи могут влиять на то, какие темы подняты на уровень обсуждения, какие вещи представляются значимыми и как свободно журналисты могут работать. После этого я объясняю особенности разных форм российских СМИ в той мере, насколько это относится к использованному мной материалу. Мои материалы исследования включают себя печатные СМИ, блог и ток-шоу. Поэтому я буду рассматривать важнейшие особенности печатных СМИ, телевидения и блогов в первом разделе этой главы.

В втором разделе будут представлены более подробно те источники СМИ, которые служат материалом моего анализа. Затем мы перейдем к детальному анализу материала. Я разделяю анализ материала на шесть частей, каждая из которых представляет какой-то определенный дискурс. В качестве метода используется семиотический анализ дискурса. Я предполагаю, согласно теории Терезы де Лауретис, что гендер является результатом различных социальных технологий, институциональных дискурсов и практик повседневной жизни, к которым СМИ, безусловно, относятся (de Lauretis 2004). Моей гипотезой является то, что российские СМИ господствующего направления больше всего поддерживают гегемонистские гендерные отношения и игнорируют феминистский характер действия Pussy Riot. Я также полагаю, что действие группы представляется нерусским, как действие, имеющее западное влияние. Однако, как я полагаю, в СМИ Интернета возникают как негативные, так и позитивные вопросы о феминистских целях группы.

В третьем разделе рассматривается дискурс противопоставления мужского ума и женской взбалмошности, а в четвертом – о Pussy Riot как угрозе русским традициям, морали и ценностям. В пятом, в свою очередь, обсуждается дискурс материнства и в шестом –

патриархатные дискурсы. После данных будут обсуждаться еще дискурсы о современном феминизме; в седьмом разделе он обсуждается как средство привлечь к себе внимание, а в восьмом обсуждается «правильный» феминизм. В материале можно, конечно, найти еще множество других дискурсов, но так как цель моего исследования – это анализировать конструирование гендера, я выбрала дискурсы, которые интересны именно с точки зрения гендерных отношений, и объясняю другие возникающие в текстах дискурсы только насколько, насколько нужно, чтобы понять смысл комментарии и выступления тех, кто участвуют в разговорах о Pussy Riot.

4.1. Основные черты российских СМИ

Если мы понимаем свободную и независимую прессу, согласно Анне Арутюнян, как систему, эффективно распространяющую информацию через все секторы общества, в которой участие государства, если такое есть, не может значительно изменить характер данной информации (Arutunyan 2009:2-3), не можем включить Россию в данный состав. В этом разделе я освещу обстоятельства, влияющие на это.

Регулирование государством СМИ не значит, что в стране нет свободы слова. Государственные каналы имеют этические принципы, которые регулируют работу журналистов, которое, на самом деле, в лучшем случае обеспечивает всем доступ к информации и ее распространение публике. Дело в том, что государство должно регулировать СМИ, чтобы помочь гражданскому обществу, а не чтобы душить критикующую власть голоса. Вследствие реформ Михаила Горбачева регулирование государством СМИ стало уменьшаться в последние годы Советского Союза. После распада СССР российские СМИ работали почти полностью свободно вне государственного контроля, но это время было довольно короткое. Экономика новой страны была в плохом состоянии, которое влияло на финансирование СМИ. Симонс отмечает, что все-таки за этот короткий период успела сформироваться так называемая «желтая пресса», и работники СМИ обнаружили, что сенсация – хороший бизнес (Simons 2010: 38).

Переход от одной политической системы к другой оказался трудным для российских СМИ. В то же время олигархи стали действовать в структурах власти и, благодаря этому, богатеть.

СМИ были вынуждены обратиться к олигархам, чтобы получить финансирование, но одновременно они оказались лишенными журналистской свободы. После прихода Владимира Путина к власти ситуация быстро изменилась, и в российских СМИ появился новый поддерживающий государство дискурс. Путин стал отменять приватизацию национальных СМИ, которая была сделана после развала СССР. Власти также делали вид, что они работают на благо народа, а не контролируют или цензуруют, когда речь идет о, например, недопущении в СМИ заголовков о порнографии или демонизации владельцев частных медиакомпаний. (Simons 2010:18-32.) В отличие от западных тенденций, в дискурсе Путина о модернизации страны подчеркиваются промышленность, улучшение инфраструктуры, и повышение экономической эффективности. В данном дискурсе активное гражданское общество и демократизация являются второстепенными целями. (Kangaspuro 2009:23.)

Хотя дерегулирование 1990-годов было заменено ростом государственного регулирования и владения СМИ, до сих пор существуют и коммерческие медиастанции и зарубежное владение СМИ. Политические и коммерческие интересы часто взаимодействуют в ситуациях, в которых государственные каналы выпускают шоу, представляющие либеральные идеологии как чужие и проводимые политиками, которые создали связи с западным миром и устроили хаос во времена Ельцина. Одновременно данные каналы способствуют развитию развлекательных шоу, стремящихся приобрести большие прибыли и не критиковать общественный строй и решения Думы. (Rosenholm и др. 2010:14.)

Согласно Фэркло, для сегодняшних СМИ и особенно телевидения характерно напряжение между информацией и развлечением и также между публичной и частной сферами. Такие СМИ, которые раньше скорее относились к общественным делам публичной сферы, перешли к развлекательной манере изложения и, следовательно, эти формы СМИ стали коммерциализироваться. Из этого следует то, что СМИ уже не функционирует как поле для общественного и политического разговора, в котором граждане могут активно участвовать. (Fairclough 1997: 14-21.) Если общественный разговор открыт для всех, кто мало представлен в традиционных СМИ (то есть газеты, журналы, телевидение), то где могут граждане участвовать в разговоре о вопросах, волнующих их? В моем анализе я намереваюсь исследовать, видны ли упомянутые выше факторы и в российских СМИ.

Что касается свободы слова, я могу согласиться с Этлингом и другими в том, что как российское государство контролирует политику и экономику, оно так же контролирует СМИ, хотя не так тщательно и эксплицитно, как первые два. Связь между СМИ и государством не

такая тесная, как во времена в СССР, но о свободе СМИ невозможно говорить. (Etling и др. 2010, www.) Российские СМИ сформированы той же технологией, как и за рубежом, и такими же бизнес-моделями. То есть для них самое главное – приобрести большую аудиторию и много рекламодателей. Разница в том, утверждает Засурский, что у российского государства не хватает опыта регулировать систему СМИ постановлениями (как делается в Европе, например), но государство все-таки хочет контролировать политику, в которой СМИ понимается как ключевая арена для сохранения стабильности и позиции политической элиты. (Zassoursky 2009:29) Традиционные СМИ, то есть печатные СМИ, телевидение и радио находятся сейчас в так называемом гибридном состоянии, в котором Кремль активно контролирует национальные телевизионные новости, у которых много зрителей, а еще в начале 2010-годов разрешал развлекательные программы и маргинальные независимые СМИ работать свободно. (Etling и др. 2010, www.) Однако ситуация быстро изменилась – в этом году многие независимые СМИ испытывали трудности.

В Советском Союзе газета была самым распространенным и влиятельным видом СМИ, но после развала СССР эта роль перешла к телевидению. Сегодня телевизор является самым важным источником информации и развлечения для большинства российских граждан – он играет роль предшественника в моде, поведении людей и изменении ценностей социального жизни (Vartanova & Smirnov 2010: 21-23; Pietiläinen и др. 2010:49). В России работает множество каналов, но не все каналы передаются по всей стране. Два общенациональных канала, *Первый канал* и *Россия-1* являются доступными для 99% населения (Salminen 2009:31), в то время, когда РЕН-ТВ, самый крупный частный канал, смотрит 95 миллионов человек из 141-миллионного населения России. (Там же: 51.) Три самых популярных телевизионных канала находятся под государственным контролем либо эксплицитно, либо имплицитно (государственные предприятия владеют им). Данные медиакомпаний следует считать инструментами пропаганды российских властей (Тоерфл 2011: www). Российским СМИ характерно, что данные официальные СМИ охватывают больше зрителей и читателей, чем остальные виды СМИ (Тоерфл 2013, www). То, что почти все семейства имеют телевизор, частично объясняет популярность телевидения, но также то, что подписки общенациональных газет слишком дорогие для обычных людей, конечно, влияет на популярность телевидения (Kangaspuro 2009: 31).

Для российских газет, в свою очередь, характерно сокращение тиражей. Причина этого в том, что количество традиционных читателей газет уменьшается и молодые люди ищут информацию и новости в Интернете. (Vartanova & Smirnov 2010: 21-23.) Некоторые газеты

также ввели изменения в свой формат, когда в конце 1990-годов читатели стали предпочитать местные газеты вместо общенациональных газет. В результате некоторые общенациональные газеты приблизились к формату газет «желтой прессы», а некоторые пытались держать свою роль как качественные газеты. (Pietiläinen и др. 2010:43.) Целый ряд широко распространенных газет (много из которых принадлежат к «желтой прессе»), относится к основному направлению владения в России, в которых владельцы медиакомпаний – знаменитые личности или большие корпорации. Доходы данных лиц и корпораций тесно зависят от доброжелательности властей. Поэтому и эти компании более или менее удерживают тех, кто у власти. (Тоерфл 2011: www).

Из российских СМИ быстрее всех секторов и растет Интернет. В 2009 количество интернет-пользователей составляло 30-40 миллионов, среди данных пользователей многие ищут именно новости. (Vartanova & Smirnov 2010: 21-23.) По моему мнению, именно поэтому в анализе российских СМИ надо обратить внимание на СМИ, появившиеся в Интернете. Но все-таки важно подчеркнуть, что использование Интернета во многом зависит от возраста, образования, доходов и места жительства – особенно большая разница в использовании интернета наблюдается между Москвой и остальной Россией (Pietiläinen и др. 2010: 51). В настоящий момент содержание так называемого Рунета (русскоязычный интернет) не находится под технологическим контролем. (Тоерфл 2013: www.), но исследования ONI (OpenNet Initiative)⁹ показывают, что в рунете используется более незаметные способы, чтобы обрабатывать интернет-пространство. Государство пытается делать это с помощью оплаченных блоггеров и влияния на организации, предоставляющие услуги доступа к сети Интернет. В России также есть законные способы контроля Интернета – закон об экстремизме можно использовать, чтобы закрыть интернет-сайт, также организации, предоставляющие услуги доступа к сети, вынуждены давать информацию о любом сайте по просьбе Федеральной службы безопасности. (Etling и др. 2010, www.) В августе 2014 года был принят закон, который сильно осложняет жизнь блоггеров. По новому закону все люди, на сайте которых больше 3000 посетителей в день, должны регистрировать свой сайт как СМИ. Это касается не только блоггеров, а все сайты, включая социальные сети. Они должны, между прочим, заявить свои данные и использовать приличный язык, но все-таки они не приобретают такие же права, которые СМИ имеют, но, как полагает Дмитрий Ягодин, этот закон может увеличить количество самоцензуры и судебных дел, в которых приговор сделан до процесса.

---

⁹ ONI OpenNet Initiative является совместным партнерством научно-исследовательских центров разного типа. ONI исследует и раскрывает способы фильтрации и контроля интернета в разных странах, в том числе и в России. (OpenNet Initiative, www.)

(Yagodin 2014:69.) Так как сама российская блогосфера разнообразная, то дискуссии и темы обсуждения во многом зависят от платформы. Все-таки, согласно Этлину и другим, центр общественного и политического разговора можно найти в блогах платформы «Живой журнал». В этих блогах исследователи нашли свидетельства политической и социальной мобилизации. (Etling и др. 2010, www.)

Конечно, важно подчеркнуть, что группа Pussy Riot сама искусно использует СМИ для распространения своего материала. Согласно Владу Струкову, Pussy Riot является частью глобального протестного движения, у которого главное средство выражения – апроприация (Strukov 2013). Как замечалось выше, нынче телевизор заменяется, по крайней мере у городских молодых образованных людей, Интернетом как главным источником развлечения и информации. Интернет-сервисы, предоставляющие услуги видеохостинга, как, например, YouTube, имеют много пользователей – они стали коллекциями самодельного материала. В этом пространстве граница между публикой и продюсерами стирается, так как люди распространяют и переделают материалы, найденные ими в Интернете, и продюсеры телевидения, в свою очередь, используют материал Интернета в своих передачах. Материал Pussy Riot является хорошим примером данного феномена. Так, согласно Струкову, уже нельзя настаивать, что Рунет выступает в подчиненной позиции по сравнению с телевидением, а наоборот, он является системой СМИ, включающей в себя более старые виды СМИ. (Strukov 2013, Marshall 2009: 42.)

4.2. Селекция материала и ход анализа

Для анализа газет я выбрала относящиеся положительно к власти издания «Аргументы и факты» и «Известия», и публикуемое только в Интернете независимое от власти издание colta.ru. Чтобы найти статьи, написанные про Pussy Riot, я просматривала архивы Интернета изданий данных газет и выбрала статьи, в которых возникли гендерные значения. Такие значения были более видны в колонках и комментариях, чем в новостях, и поэтому я решила использовать их в анализе. Обозреватель «Аргументов и фактов» Константин Кудряшов обсуждает феминизм в своей статье «Pussy Riot – феминизм, или синдром Бобчинского». Газета «Аргументы и факты» находится под государственным контролем имплицитно, так как

она относится к группе СМИ, владельцы которых бизнесмены с близкими с Кремлем связями (Salminen 2009: 72-73). Она является одной из самых читаемых газет в России, так как 10,6% от всего населения России читают ее еженедельно (по опросу, сделанному в 2007 году) (Pietiläinen, Fomicheva & Resnianskaia 2010: 43-44).

Я также выбрала статью «Pussy Riot и российские гей-парады» философа Сергея Роганова из газеты «Известия». В статье Роганов обсуждает, на его взгляд, возросшую роль женщин в русской политике. «Известия» находятся во владении Газпрома, большинством акций которого владеет российское государство (Salminen 2009:56-58). Газета «Известия» профилируется как газета, для которой характерны эксклюзивные репортажи и глубокая аналитика, и то, что журналисты основывают свои материалы на информации из первоисточников, (медиаатлас, www). Все-таки, согласно Минне-Мари Салминен, хотя еще в 1990-годах газета «Известия» была качественной газетой, которая принимала участие в важных политических дискуссии, ее качество уменьшилось вследствие владения Газпромом (Salminen 2009: 56-58 & 72-73). Из всего населения «Известия» читают 0,4 % населения каждую неделю (Pietiläinen, Fomicheva & Resnianskaia, 2010:44). Радиостанция «Эхо Москвы» была основана в 1990 году. Тогда «Эхо Москвы» было независимой станцией, но теперь и она находится под владением Газпрома. «Эхо Москвы» все-таки до сих пор является критиком правительства (Arutunyan 2009:21-23). Я включаю в материал анализа один блог-текст с интернет-страницы «Эхо Москвы».

Статью Веры Акуловой «Конформизм в протестной обертке?» в издании Colta.ru я решила включить в материал анализа, так как данную статью комментируют в разных источниках моего материала, и, более того, Colta.ru представляет независимое от власти издание, читателями которого являются по большей степени представители интеллигенции больших городов.

Так как телевидение является самым важным видом СМИ для россиян, я также выбрала для анализа три разные ток-шоу с передачей про Pussy Riot. Первый из них «Госдеп2 с Ксенией Собчак» — общественно-политическое ток-шоу для молодежи. Ток-шоу вначале выходило на канале «MTV Россия», но было снят с эфира, после которого ток-шоу выходило на сайте журнала «Сноб», у которого меньше зрителей. Читателями «Сноб» по большей части являются граждане столицы и крупных городов, которые также активно используют социальные сети в Интернете и относятся критично к власти.

Второе ток-шоу, которое я проанализирую в данной работе, – «Пусть говорят». Программа выходит на «Первом канале», который является доступным для 99 % населения (Salminen 2009:31). «Пусть говорят» является сенсационным ток-шоу, в котором общественные и политические проблемы представляются как развлечение. Я проанализирую еще вторую программу «Первого канала», которая отличается по стилю от «Пусть говорят». «В контексте» является публицистической программой с более серьезным тоном. Мне интересно, отличаются ли дискурсы данных программ друг от друга или можно в них найти общие черты.

Так как дискурсы маргинальных групп шире представлены в Интернете, чем в телевидении или печатных СМИ, я обращаюсь к интернет-обществу «Живой журнал», чтобы найти их. Мне интересны именно дискурсы российских феминисток, так как, мне кажется, они отсутствуют от дискурсов СМИ основного направления, но их важно обсудить, ведь Pussy Riot сами являются феминистками. Поэтому интересна рецепция на их действие среди других российских феминисток. «Живой журнал» является американской блог-платформой, в которой можно создать общества по интересам. Сервис стал таким популярным в России, что американские владельцы продали ее российской компании. (Arutunyan 2009:160.) На платформе есть общество под названием «Феминистки», в котором есть интересные посты с комментариями про Pussy Riot. Я выбрала некоторые из них, чтобы исследовать, как гендер конструируется в российских феминистских сайтах.

Разные источники материал анализа отличаются друг от друга тем, что в то время как статьи написаны одним человеком, в ток-шоу и в обществе «Живого журнала» дискуссия проводится многими участниками. Так как не все высказывания в данных источниках являются интересными с точки зрения исследования конструирования гендера, я выбираю для анализа только те элементы, в которых через дискурс конструируется какая-то и интерпретация гендера. Я разделяю анализ на части по дискурсам, из чего вытекает, что в одних разделах параллельно рассматриваются разные медиатексты, в которых возникает тот же дискурс, в то время как в других разделах рассматривается лишь один медиатекст и один определенный дискурс.

4.3. Мужской ум и женская взбалмошность в статье «Pussy Riot и российские гей-парады»

Выше я объяснила главные тенденции в российской сфере СМИ и представила те источники СМИ, которые будут служить материалом моего анализа. В следующих шести разделах аналитической главы я рассматриваю дискурсы, возникающие в материале анализа. В первом разделе обсуждается опубликованная в «Известиях» статья «Pussy Riot и российские гей-парады». Автором статьи является философ Сергей Роганов, который, рассматривая вопрос российской политики, использует понятия, как *мужское и женское, наше и западное*.

Автор сравнивает Россию с женщиной.

Россия – капризная женщина. Ее мало любить в соответствии с высокими этическими принципами. Мало накачивать мужскими смыслами и лозунгами. (Роганов 2012, www).

Автор ассоциирует мужчину с такими чертами, как пресловутое *благоразумие, логика, эрудиция, высокие смыслы*. Он предполагает, что все-таки мужской интеллект с логикой и разумом не помог России идти вперед. В общей сложности везде в тексте присутствует всем известное представление о том, что «умом Россию не понять» и что сущность данной иррациональности есть женское (там же).

После заголовки «Pussy Riot и российские гей-парады» написано описание статьи: «Философ Сергей Роганов — о женском факторе в российской политике». Автор подчеркивает то, что группа Pussy Riot перевернула мир столичного сознания, то есть участницы группы совершили дело, которое не получилось у мужского интеллекта и что это не понравилось интеллекту, «(п)отому что такие пощечины креативный мужской интеллект не прощает». Композиционно в статье противопоставлены друг другу «мужской интеллект» со старыми

идеями и логикой, угрозой для которого стали Pussy Riot, и такие молодые и динамичные женщины, как Божена Рынска¹⁰, Кристина Потупчик¹¹ и Ксения Собчак¹².

Так как автор объединяет Божену Рынска, Кристину Потупчик и Ксению Собчак, создается впечатление, что у них трех есть что-то общее, кроме пола и молодости, хотя их политические взгляды очень различны. На взгляд автора, общим знаменателем этих женщин является *взбалмошность*.

Судите сами: всю зиму и весну на столичных площадях и проспектах «зажигали» отнюдь не страстные или интеллектуальные лидеры протестного населения, а женщины, хоть взбалмошные, хоть вздорные. И как их не пытались проклинать, осуждать, хоть Божену, хоть Потупчик, хоть Собчак, но именно они с успехом мutilовали воды и мозги мужской половине столицы. (Роганов 2012, www.)

Действия этих женщин автор представляет взбалмошными, вздорными, скандальными и иррациональными, как будто за их действиями не было никакой идеи, но в то же время признает силу этих самых действий и бессилие мужчин перед ними. Он помещает женщин в одну категорию, мужчин – в другую, воспроизводя представление о том, что мужское и женское – взаимодополняющие и одновременно исключаящие друг друга категории (de Lauretis 2004:41).

Статья противоречивая – трудно понять, считает ли автор, что *женский фактор*, как он его называет, нужен и желателен русской политике. Такой подход был бы свежим, так как политика понимается как в западных странах, так и в России мужской сферой. С одной стороны, он пишет, что «Россией управлять трудно и совершенно невозможно с книжкой в руках», но, с другой – сравнительно мало раскрывает, что нового женщины могли бы принести в российскую политику. Единственное, что автор называет возможным результатом результатом влияния женского фактора – *гей-парады и переводы западных концепций и*

---

¹⁰ Божена Рынска – блоггер и журналист. Рынска пишет популярный живой журнал под названием «Besky Sharpe». Перечислены интересы живого журнала включают «Лондон», «клатчи Боттега Венета», «пирог с капустой», «сумочки Шанель» и седой умный в «очках». Она также выражает свою точку зрения по общественным делам. Цитата из «Живого журнала»: «Если мы не займемся политикой, политика займется нами». («Живой журнал», Besky Sharpe 2012, www.) Рынска была задержана на несанкционированной оппозиционной акции на Триумфальной площади 6 декабря 2011 года (Интерфакс 2012, www).

¹¹ Кристина Потупчик работала пресс-секретарем молодёжного движения «Наши» с 2007 по 2012 год (Top.rbc.ru 2012, www). Пишет в «Живом журнале» под названием «krispotupchik», комментируя общественно-политические события. («Живой журнал» krispotupchik 2013, www) Потупчик была инициатором создания календаря с эротическими изображениями студентов факультета журналистики Московского государственного университета в подарок Владимиру Путину. (Газета.ru 2010, www)

¹² Ксения Собчак – журналист, телеведущая и актриса. Работала телеведущей в разных реалити-шоу, включая «Дом-2», «Блондинка в Шоколаде» и «Топ-модель по-русски». (Официальный сайт Ксении Собчак, www) Активно участвует в оппозиционной политике и критикует Путина.

политических программ. Мораль и ценности страны принято репрезентировать в образе женщины (Goscilo 1995:69), поэтому не удивительно, что автор предполагает, что женщины могут принести западное влияние, которые ставят под вопрос моральные принципы в Россию. Как самый яркий пример подобного, он, наверное, видит в гей-парадах. (Роганов 2012, www.)

Автор пишет с иронией, используя стереотипы.

Нет, нет! Россия – как те самые «роковые женщины» Федора Достоевского, как героини его романов: Настасья Филипповна¹³ или Грушенька¹⁴. России ручку-то целовать можно, а она возьмет и не поцелует народную ручку в ответ, хоть умиляться до слез вами будет. (Там же.)

Образ России как роковой женщины, или так называемой «стервы», является стереотипом в русской культуре. Очевидно, что автор знает стереотипы и играет с понятием о России как *роковой женщине*, но, на мой взгляд, использование данных стереотипов, хоть и с иронией, скорее укрепляет утвердившееся представления о женщине как мифологическом и трансцендентном совершенном существе, в то время как мужчина является индивидуумом. В тексте явно присутствует «технология гендера», так как женщин и мужчин представляют дополняющими друг друга: определенные качества связываются с женщинами и мужчинами и предполагаются данными само собой разумеющимися. (Там же.)

Таковыми же «стервами», как Настасья Филипповна или Грушенька, автор показывает и Pussy Riot.

Вы Pussy Riot помиловать соберетесь, но кто знает, может, они выслушают помилование, а потом усмеются и не то что спасибо не скажут, а еще и от помилования откажутся! «Как же так?!» – будет вопить потрясенный мужской интеллект, перегруженный манифестами и планами партстроительства. (Там же.)

В этом цитате становится очевидным, к кому обращается текст. Хотя автор смеется над мужским интеллектом, текст кажется предупреждением для мужчин о том, что будет, если женщины получат большую роль в политике: «Еще и потребуют, и получат-таки поддержку мировой общественности в борьбе за право проведения гей-парадов перед мэриями столицы

---

¹³ Настасья Филипповна – героиня романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Настасья Филипповна не отвечает на любовь единственного человека, который любит ее.

¹⁴ Грушенька – героиня романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Один из главных героев Дмитрий Карамазов говорит о Грушеньке: «Это царица всех inferнальниц, каких можно только вообразить на свете! В своем роде восторг».

и крупных городов России». Но в то же время автор намекает, что мужчины являются баранами, которые глупо следуют за другими.

[...]легко баранов согнать в стадо, вы вот кошек попробуйте согнать. Вот она, соль земли российской: господа мужчины, кошки стадами не гуляют!

Женщин сравнивают с кошками, которых согнать в стадо невозможно, намекая, что они все делают по-своему. (Там же.)

Еще в тексте есть такая идея, что женщины отобрали у мужчин их статус главных субъектов в обществе.

Вот, не сказали же, что у самого Ильи Яшина, гиганта мысли и отца русской демократии, герлфренд – взбалмошная Ксения Собчак. Нет, все с точностью до наоборот: в квартире Ксении нашли миллион и Яшина. Все внимание к светской львице, а сам Яшин, что называется, в примечаниях. (Там же.)

Наверное, автор и это пишет с иронией, не считая, что это нежелательное развитие, но все-таки данный пример хорошо показывает, кто считается самым важным, кого привыкли видеть субъектом, а кого объектом, так как данная ситуация кажется автору странной и ненормальной.

Текст довольно косвенно и многозначительно написан, так как, если мы читаем текст поверхностно, можно увидеть в нем выражение мнения о возросшей роли женщин в русской политике, но, если анализировать глубже, становится сложно понять, как автор сам относится к этому. С точки зрения критического дискурс-анализа интересно, что автор считает важным подчеркивать *женский фактор* в российской политике, но оказывается в позиции, где он не показывает, что именно хорошего в этом *женском факторе*. Автор обсуждает актуальный феномен, но дискурс опирается на старые стереотипы и метафоры. В то же время автор иронизирует над тем, что сам он делает. Все-таки нельзя сказать, что текст деконструирует старые репрезентации полов, так как он представляет мужчин и женщин взаимодополняющими друг друга и имеющими определенные качества.

Также автор закрепляет различия между мужчинами и женщинами и, кроме того, представляет женщин как гомогенную группу, связывая вместе таких разных женщин, как Божена Рынска, Кристина Потупчик, Ксения Собчак и участницы Pussy Riot. То есть группа Pussy Riot ассоциируется с женщинами, которые участвуют в митингах и пишут об общественных делах в блогах, хотя активизм группы отличается от вышеупомянутых. В данной статье пишется с иронией о том, что растущая роль женщин в политике может принести собой гей-парады и

западные концепции, но он прямо не заявляет свою позицию об этом. В разных ток-шоу вместо того появляется дискурс о Pussy Riot как прямая угроза русским традициям и ценностям. Данный дискурс будет предметом следующего раздела.

4.4. Pussy Riot как угроза русским традициям, морали и ценностям в ток-шоу «В контексте», «Госдеп-2» и «Пусть говорят»

В данном разделе я сосредоточусь на дискурсе, представляющем Pussy Riot как угрозу российским традициям и ценностям. Я включаю в данный раздел три ток-шоу «Пусть говорят», «Госдеп-2» и «В контексте» по теме Pussy Riot и панк-молебн, так как в них появляется одинаково отрицательный к феминизму дискурс.

В материале разных видов СМИ возникает множество дискурсов, в которых группа Pussy Riot видится как угроза, и поэтому критикуется их акция в храме Христа Спасителя. Самыми очевидными пользователями такого дискурса являются представители православной церкви и православные активисты. У их речи подчеркивается представление о Pussy Riot как угрозе для России и близких ей ценностей, как, например, православие.

Православие имеет большое значение в русской культуре. Количество православных верующих в России сложно определить, так как больше 80% россиян называют себя православными, но только половина данных людей называют себя верующими, и менее 10% посещают службы регулярно. То есть православие – это прежде всего вопрос идентичности, чем веры. Православие принимается как фундамент ценностей и исторического продолжения, который длится уже с времен Киевской Руси, и продолжается в постсоветской России. Для православия характерны консерватизм и традиционность, которые с точки зрения гендера проявляются в том, что женщины не могут служить священниками, но, помимо этого, традиционные ценности появляются в социальной программе Русской православной церкви. В ней подчеркивается роль женщин как матери и жены и порицается гомосексуализм, аборт, использование презервативов, использования и исследование стволовых клеток и критикуется глобализация и стандартизация культуры. (Vodin 2009:26-28.) Эти примеры хорошо показывают, как церковь и религия действуют сами как технологии гендера (de Lauretis 2004:37).

Представители церкви не могут участвовать в политике, но церковь влияет на общество и культуру косвенно разными способами. Идеал Русской православной церкви – симфония церкви и государства: ситуация, в которой церковь стоит на одном уровне с государством. То, что православная церковь все больше выступает в политической роли и кооперируется с государством в сферах экономики, образования, обороны и социальных вопросов свидетельствует о ее стремлении к этому византийскому идеалу. (Кнох 2005.) Также важно отметить значительную направленность антизападных мыслей в истории политической культуры Московской патриархата (Richters 2013: 36-56).

То, что участниц Pussy Riot арестовали после панк-молебна в Храме Христа Спасителя, а не, например, после выступления на Красной площади, согласно Кате Рихтерс, неслучайно. Она предполагает, что администрация президента видела в ситуации возможность сократить политическое действие группы, скрывая свой авторитаризм, и вместо этого представить себя как защитника православия и Русской православной церкви. То есть это был Кремль, а не Российская православная церковь, кто использовал аспект православия как способ скрывать свои политические стремления. (Richters 2012:8.) Но мне представляется, что, несомненно, произошедшее служило ареной обсуждения и рекламирования близких к православию ценностей, несмотря на то, что большинство представителей церкви выступило против тюремного наказания участниц Pussy Riot.

Во все ток-шоу, которые я включаю в свой анализ, приглашены гости, которые представляют православную церковь – в «Пуст говорят» это игумен Тимофей (Алексей Подобедов)¹⁵, в «Госдеп-2» протоиерей Всеволод Чаплин и «В контексте» протоиерей Максим Козлов. В «Госдеп-2» также принимает участие православный активист Владимир Тор. Общее для всех вышеупомянутых гостей – это жесткое осуждение акции Pussy Riot в храме Христа Спасителя. Но не только данные участницы разговора опираются на дискурс, который видит Pussy Riot как угрозу для русских традиций, культуры и православия. Так как властные отношения выполняются через идеологические практики языка (Fairclough 1989:2-3), здесь важно подчеркнуть, какие представители православной церкви приглашены в студию. Несмотря на критику Pussy Riot о роли женщин в православной церкви, в ток-шоу отсутствуют работающие в православной церкви женщины, которые могли бы обсудить роль женщин в церкви на

---

¹⁵ Сбор гостей ток-шоу «Пусть говорят» включает в себя и представителей других конфессий, но я сосредоточусь именно на том, как гендер и феминизм конструируются в дискурсах тех гостей ток-шоу, которые, так или иначе, относятся к православию, так как именно православие играет главную роль в их разговоре и российской культуре вообще.

собственном опыте. Из этого следует ситуация, в которой все представители церкви являются мужчинами, и они репрезентируют церковь в целом, репрезентируя и женщин, активно принимающих участие в церковной жизни. В общем женщинам чаще всего в дискуссиях остается роль примирителя в ситуациях, в которых используется оскорбительная лексика или говорят о строгом тюремном наказании участницам Pussy Riot.

Название выпуска «Пусть говорят», обращаясь к теме панк-молебна и Pussy Riot, – «Бесы». Настоящее название само по себе показывает отношение программы к происшедшему в церкви в феврале 2012 года и ссылается на религию, намекая, что участницы Pussy Riot являются бесами или, по крайней мере, находятся под его влиянием. Но важно также подчеркнуть, что настоящая программа весьма развлекательная по стилю, и, может быть, поэтому выбрано привлекающее внимание название. Все-таки получается эффект, что, хотя тема открыта для обсуждения, общее мнение у гостей программы против акции Pussy Riot. Впервые в ток-шоу все-таки разрешается говорить защитникам группы, а только после них тем, кто отрицательно относится к группе. Как и предполагается, все вышеупомянутые осуждают панк-молебен, но интересно с точки зрения моего исследования то, какие значения дается гендеру и феминизму в этих дискурсах.

В ток-шоу «Пусть говорят» первым в студию приглашают отца Надежды Толоконниковой, Андрея Толоконникова. Ведущий Андрей Малахов спрашивает, верующий ли Толоконников и как он относится к акции в Храме Христа Спасителя, кому он отвечает, что он «в меру верующий» («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www). В ток-шоу многими гостями пытаются утверждать, что отсутствие православного воспитания в семье Толоконниковых является причиной совершенной дочерью Толоконникова акции. Акция называется многими *богохульственной* и, что еще более интересно, потерей так называемых традиционных русских традиции. Согласно Елене Гаповой, православие является формой российского патриотизма, и, следовательно, в дискуссиях о том, что можно делать в храме, появляется столкновение в отношении современного содержания веры и понятия «русскости» (Гапова 2012). В «Пусть говорят» главный редактор газеты «Московский комсомолец» Павел Гусев обиженно говорит:

В самом начале перестройки Радио «Свобода» говорила: цель перестройки – в том, чтобы *произошла мутация русского духа*, нужно русских выбить из традиции. Выбили из традиции благодаря таким родителям, которые не воспитали детей и не объяснили им, что они живут в России с тысячелетней культурой. И эти девицы они практически дали пощечину десяткам миллионам православных русских людей. Десяткам миллионам. («Пусть говорят, Бесы» 2012, www. Курсив мой–ЭК.)

То есть Гусев предполагает, что своим действием Pussy Riot не только оскорбили чувства верующих, а оскорбили русскую культуру в целом. Это указывает на то, что якобы существует некая единая и гомогенная русская культура, в которой феминизм Pussy Riot не должен иметь места, и, на мой взгляд, феминизм вообще, так как феминизм – это даже не тема обсуждения в данных ток-шоу. То, что о феминизме молчат, воспроизводит гегемонистский дискурс, что в русской культуре нет места феминизму. Предполагается, что православие неизменно и неспособно делать ошибки и поэтому критика его необоснованна. Тысячелетняя культура – это совершенная неизменная, единственно правильная культура. Гусев не готов слышать, что феминистки Pussy Riot критиковали в своем панк-молебне, и таким образом он исключает феминистский активизм группы от сферы русской культуры. Женщины имеют определенное место в этом понимании, и критика Pussy Riot этого не считается даже достойна обсуждения.

В ток-шоу «В контексте» протоиерей Максим Козлов говорит, что теперь происходит «цивилизационный конфликт», в котором традиционные российские ценности находятся под угрозой.

[...] у нас есть две культуры. [...] Одна, которая связана с великой русской культурой. И которая, слава Богу, и сейчас имеет свое продолжение. И вторая, которая своим символом теперь надолго будет иметь вот этих девиц и вот от этого никуда не денутся. [---] Цивилизационный конфликт. Это конфликт традиционной русской культуры и цивилизация с вот этим новостным пленочным слоем. [---] Безусловно он (конфликт - ЭК) навязан. Этот конфликт, нанесенный определенного рода людьми имеющим выход средством массовой информации [...] («В Контексте, Скандал в храме» 2012, www. Курсив мой–ЭК.)

То есть он противопоставляет традиционно российские ценности и традиции тому, что демонстрирует группа Pussy Riot, намекая, что их ценности чужие, может быть – западные. Похожий дуализм между своим, русским, и чужим совсем не нов в России, и, как Козлов показывает нам, хорошо подходит для аргументации против феминизма. О том, что в истории православия были феминистки, и в феминизме Pussy Riot есть много аспектов из русской культуры, Козлов молчит, ведь феминизм не считается частью православного дискурса. Дискурсы и властные отношения, влияющие на них, изменчивы: православные феминистки Мамонова и другие, расшатали понимание о верующем человеке в 1970-ых годах, представляя критику государству с точки зрения православной веры, в то время как Pussy Riot критиковали связи государства и церкви. Данных женщин не хотят включить в православный дискурс, и поэтому их критика не принимается, а представляется как хулиганство или богохульство.

Я приведу обратный пример отношения к акции Pussy Riot. Артем Данилов пишет в блоге на странице радиоканала «Эхо Москвы» об акции Pussy Rio, и видит ее корни в русской традиции юродивых, которым «разreshалось говорить в лицо правителям именно так, как они воспринимают мир» (Данилов 2012, www). То есть он принимает акцию как часть русской традиции, и их надо освободить по причине, что:

Если Российская Федерация является преемницей Российской империи и древней Руси, то отношение государственных чиновников, суда и церкви к Pussy (sic) Riot должно быть примерно таким же, как и отношение к юродивым. То есть их необходимо помиловать и отпустить. (Там же.)

Данилов не подчеркивает пол участниц группы, и он связывает их с православным дискурсом. Автор не обсуждает феминистский аспект их действия, но и не снимает с них роль как политических деятелей, а пишет, что:

(п)анк-молебен группы Pussy Riot привлек внимание общества к проблемам русской православной церкви. Pussy Riot привлекли внимание молодежи к церкви. Они показывают дорогу к Храму, а не дорогу от Храма. Они обозначили важные вопросы в нашем обществе: Что есть вера? Какое место занимает церковь в жизни молодежи? Может ли существовать экспрессивное искусство в нашем обществе и в каких объемах? (Там же.)

Значит, по Данилову, Pussy Riot удалось вызвать дискуссию, по крайней мере, среди молодежи. Но, как и большинство поддерживающих группу, Данилов не раскрывает деталей панк-молебна, критикующего роль женщин в церкви.

Дискурс о «европейскости» действия и ценностей Pussy Riot возникает и в программе «Госдеп-2 с Ксенией Собчак», в которой адвокат Надежды Толоконниковой Марк Фейгин передает, как Толоконникова сама объясняла панк-молебен:

Она (Толоконникова – Э.К.) несколько раз говорила, что акция эта не носила богохульного характера. Никакого анти-христианства или анти-православия она ни исповедует и не придерживается. Ни каких крайних, сектантских взглядов она не имеет. Она считает себя и свое воспитание продуктом европейской культуры. (Госдеп-2 с Ксенией Собчак 2012, www.)

Но здесь европейская культура используется, чтобы объяснить, что акция не имеет антиправославного характера.

На этом же ток-шоу ведущая Ксения Собчак говорит протоиерею Всеволоду Чаплину, что «на видео (видеоклип от тех участниц Pussy Riot, которые не находились под арестом – Э.К.) некоторые из участниц сказали, что они христиане», на что Всеволод Чаплин отвечает: «это

не правда, так православные христиане поступить не могут» (там же). Всеволод Чаплин входит в ближайший круг патриарха Кирилла и повторяет его дискурс отношения верующих к оппозиционной политике, то есть именно тот дискурс, который изначально увлек Pussy Riot выступить в храме Христа Спасителя. Согласно данному дискурсу, настоящий верующий православный человек не является политически активным, не ходит на пикеты, и не выступает против Путина. Данное значение выражается эксплицитно, в то время как отрицательное отношение к феминизму выражается имплицитно. Если настоящий верующий человек не может быть политически активным, он также не может быть феминисткой, хотя данное слово Всеволод Чаплин ни разу не произносит. Вообще задача анализировать отношение Российской православной церкви к феминизму сложная, так как само слово феминизм не произносится. Феминистский аспект действия играет в самом панк-молебне огромную роль, но об этом молчат не только представители церкви и православия, но и другие гости ток-шоу. Pussy Riot прямо призывают Богородицу стать феминистской и, кроме этого, они обращаются к темам, волнующим феминисток и в других странах мира, таким, как, например, права сексуальных меньшинств, но также и роль женщин в православной церкви исключительно как матери. Как было отмечено уже раньше в данной работе, феминизм – это не только западное явление, а в истории страны есть примеры женщин, критикующих гендерную систему страны, в том числе и православные феминистки. Все-таки кажется, что в так называемых православных дискурсах феминизм является одновременно угрозой как для православия, так и для государства. Феминистский активизм Pussy Riot связывается с оппозиционной политикой, которая грозит близкой связи государства и власти, но ее не называют феминизмом. Возникает вопрос, знают ли приглашенные в студию гости вообще, что такое феминизм?

На взгляд православного активиста Владимира Тора (настоящее имя Владлен Кралин, использует псевдоним Владимир Тор в своей политической деятельности), общественный порядок уже разрушен – Pussy Riot является доказательством данного. Владимир Тор представляет себя в своем «Живом журнале» как русский православный националист и является одним из организаторов ежегодных националистических «Русских маршей». Он выступает против иммиграции и за оформление Новороссии. Согласно Энгстром, конфликты между культурной элитой, группами радикальных православных активисток и государства стали распространенными в России. Такие ценности, как, например, мультикультурность и права меньшинств сталкиваются с религией и национальной идентичностью большинства. В

этой ситуации вера не остается аспектом частной сферы, а становится темой политического спора. (Engström 2014).

Проблема заключается в том, что *сумасшедшие бегают по храму и совершают кощунство*, другие сумасшедшие начинают бить женщин по лицу, а проклятая власть не делает ничего чтобы ввести нормальный порядок, чтобы не было *кощунства* в храмах, чтобы не было драк на улицах, а главное для того чтобы людей не хватало на улицах за фразы (Госдеп-2 с Ксенией Собчак. Курсив мой–ЭЖ).

То есть последствия акции Pussy Riot показывают силу власти, которая, согласно Тору, слишком мягко относится ко всяким сумасшедшим. Он не проводит разницу между феминистками, выступающими против близкой связи церкви и власти, и с людьми, которые избивали защитников Pussy Riot. Интересно и то, что Тор называет участниц группы «сумасшедшими» и их акцию – «кощунством». Подобный дискурс отрицает политический аспект их действия.

Pussy Riot кричали и прыгали по храму и не только критиковали связи между Путиным и патриархом Кириллом, а выказывали агрессию, крича и прыгая по храму. Агрессивность является чертой, которая как правило, не считается женской. Агрессия группы является последствием тех проблем, которые она произносила в панк-молебне, но Тор отрицает смысл агрессии, называя участниц «сумасшедшими», одновременно умалчивая о высказанных группой проблемах. Такое понимание женской агрессии возникает и в «Пусть говорят», так как название программы – «Бесы». Согласно данному размышлению, агрессивная, яростная женщина является бесом, когда, на взгляд многих феминисток, – «бесом» является именно общество, которое порождает данную агрессию в них.

Также стоит обратить внимание на связь расизма и мизогинии в дискурсе Тора, который четко осуждает иммиграцию в Россию из бывших стран Советского Союза. То, что православный активист осуждает феминизм, не удивительно: связь расизма и шовинизма является общей чертой разных националистических групп. В ток-шоу «Госдеп-2 с Ксенией Собчак» Владимир Тор называет участниц Pussy Riot блядьми, что вызывает критику среди других гостей в студии, и многие из публики освистывают Тора.

Я не специалист по современному искусству, но мне всегда показалось, что подобные действия ничего общего с искусством не имеют. Вообще лучше называть вещи своими именами. Называйте: госпожа, девушка, в общем в русском языке существует другое слово для обозначения этих мадам – это *бляди*. (Госдеп-2 с Ксенией Собчак 2012, www. Курсив мой – ЭЖ.)

Он объясняет, что слово «блядь» является не только словом повседневного русского языка, но и церковным словом с иным значением. Всеволод Чаплин подтверждает, что корень данного слова употребляется и в богослужебных текстах, но все-таки данное использование слова его коробит. Безусловно, выбор слова такого типа намекает на мизогинию Тора. Критика женских активисток превращается в прямое поношение и сексуализацию данных женщин. Сексуализация, наверное, рождается от раздражения к тому, что данные женщины поступили не так, как женщины привыкли поступать. Они слишком смелые, громкие, ярко-одетые, видные, активные, политизированные и самоуверенные.

В этой же программе Собчак интервьюирует члена президиума Конгресса русских общин Александра Босых, бывшего по лицу активистку, которая участвовала в демонстрации у Мосгорсуда в поддержку Pussy Riot. Александр Босых, как и Владимир Тор, является националистом¹⁶. Когда его критикует из-за того, что он бил женщину, он объясняет, что, например, не бил бы Ксению Собчак, хотя бы у них было разногласие, так как она является женщиной. Но, на его взгляд, активистка была «существо в маске» (она надела такую же балаклаву, как участницы Pussy Riot), которая «одобряет там, не знаю, феминизм» (Госдеп-2 с Ксенией Собчак 2012, [www](#)). То есть для него феминистка – это не женщина а существо. Также президент адвокатской палаты Москвы Генри Маркович говорит о Pussy Riot, что они – «безобразное кошунственное зрелище» в «Пусть говорят» («Пусть говорят», «Бесы» 2012, [www](#)). Это интересный момент, так как здесь становится ясным, что, на взгляд Босых, «женщина» – не биологическая категория, а женщина только та, которая выглядит и ведет себя как женщина, и, если женщина не выполняет данные нормы, ее можно наказать даже насильем. Для Босых феминизм совсем непонятное явление, он даже не умеет определить, какие мнения поддерживает «существо в маске», а неуверенно говорит, что «оно» «одобряет там, не знаю, феминизм». Босых не готов вести никаких разговоров со сторонниками феминизма, хотя, как мне кажется, он сам не знает, что он есть.

В вышеупомянутых примерах обнаружилось много интересного, но любопытно и то, что не было сказано в дискурсах о Pussy Riot как угрозе российским традициям и ценностям. Представители церкви ни разу не признали Pussy Riot как феминисток и не обсуждали те проблемы, которые были заявлены в панк-молебне. Действие данные люди воспринимали

---

¹⁶ В своем «Живом журнале» Босых описывает свое мнение следующим образом: «Для меня русский народ/нация, важнее чем другие. И я хочу процветания, роста, развития для своего народа. Да, я хочу, чтоб у меня были русские дети и никакие межнациональные связи я не приемлю. «Живой журнал» filosof-rodina 2014: [www](#).)

только как кощунственный акт, и, например, роль женщины в российском обществе и православном дискурсе не обсуждали. Сама акция была представлена как знак того, что традиционные русские ценности разрушаются, и таким образом радикальный феминистский субъект в целом отрицается и исключается из русской культуры и общества.

Дискурсы представителей радикальных православных или националистических групп более агрессивны к Pussy Riot и их сторонникам, чем представителей православной церкви. За нарушение «правильного» поведения женщин надо наказывать устным ругательством или даже физическим насилием. Все-таки ругательство не резко осуждается церковью. Мне кажется, что у данных групп самая большая разница в отношении к власти. Радикальные империалисты и православные активисты могут нарушать закон в борьбе против феминисток и сторонников мультикультурности, но представители церкви в данных ток-шоу подчеркивают, что надо поступить по правилам закона.

Властные отношения за дискурсом выражаются имплицитно как выражение здравого смысла (Fairclough 1989:2). В данном дискурсе дается понять, что есть русские традиции, которые всем надо защищать, а к проблемам, заявленным Pussy Riot, не относятся с серьезностью. Феминистское движение в России также отсутствует в дискуссии о русских традициях. В данных традициях, или, по крайней мере, в гегемонистском понимании о русской культуре и традиции, как мне кажется, женщине отведена лишь роль как матери, защитнице моральных ценностей. Проанализированный мной в данном разделе дискурс ссылается на дискурс материнства, который я рассматриваю ниже.

4.5. Материнство в ток-шоу «Пусть говорят»

Анализируя самые разные медиатексты про Pussy Riot, нельзя избежать одного замечания – активисток группы часто представляют как матерей. Данный дискурс используется и сторонниками, и противниками группы. Правда, у Алехиной есть сын, Филипп, и у Толоконниковой – дочь Гера. Но можно задать вопрос: если бы участницы группы были мужчинами, говорили бы об их детях и роли как отцов? Почему репрезентация матери возникает в материале снова и снова?

Согласно Гелене Гоцило, в России принято представлять нацию в образе женщины, и ее мораль и этос репрезентируется в материнстве, в то время как правитель государства представляется как царь-батюшка или Сталин как отец народов. Данные образы отцов наказывают или хвалят территорию родины-матери (Goscilo 1995: 69.), и, следовательно, угрозы, касающиеся морали нации, представляются через женский образ. Я не могу полностью согласиться с такой интерпретацией, так как дискурсы изменчивы во времени, и в данный момент даже сильнее дискурс, представляющий народ в нефемининном образе. То есть существует два разных дискурса о народе. В первом, поддерживаемом в путинской политике дискурсе народ представляется весьма в маскулинном и милитаризованном образе. Народ связывается со словом «отечество» и отец, в то время как описываемый Гоцило дискурс ассоциирует народ с животворящей Родиной-Матерью (Goscilo 1995:69; Goscilo and Lanoux 2006:4). Данные дискурсы интересным образом сталкиваются в материале анализа.

Подчеркивание материнства участниц Pussy Riot относится к идеологии, доминирующей в последние десятилетия в России, согласно которой главная роль у женщин – это рожать детей (Rosenholm, Savkina 2010:79-101). Также то, что женщина и прежде всего мать является главной репрезентацией всего, что считается святым и моральным, является причиной представить Pussy Riot как матерей. Тереза де Лауретис полагает, что в дискурсах СМИ и в культуре в целом часто сталкиваются с репрезентацией женщины как матери, а не репрезентирует ее как многообразный субъект, которой она является (De Lauretis 2004: 37-48), хотя в случае Pussy Riot, как мне кажется, данная многообразность довольно ясна.

Данные два вышеупомянутых фактора, то есть акцент материнства в репрезентациях Pussy Riot и представление святого, морали и этоса нации в репрезентации материнства возникают в дискурсе «Пусть говорят» на Первом канале, одном из трех главных каналов в России. Так как канал относится к группе СМИ, находящихся под государственным контролем, мне кажется, неслучайно, что в «Пусть говорят» поддерживается дискурс о материнстве как изначальной роли женщины. Так как участницы Pussy Riot нарушают это понимание, представляя феминистский субъект, борющегося за признание, они не совпадают с представлением матери как хранителя святого и морального. Поэтому их представляют как плохих матерей. Но интересно, что не только их оппоненты опираются на дискурс материнства.

В ток-шоу «Пусть говорят» материнство и прежде всего материнство Толоконниковой активно подчеркивается многими участниками шоу. Согласно Бернштейн, красоту Алехиной

и Толоконниковой подчеркивали защитниками группы, и требование освободить их было мотивировано тем, что они являются красивыми женщинами с маленькими детьми, в то время как Екатерина Самуцевич, будучи старше, не замужем, бездетная, и, возможно, не гетеросексуальная, не получила подобного внимания (Bernstein 2013:226). В ток-шоу «Пусть говорят» все внимание обращается на Толоконникову и ее семейные отношения, так как в студию приглашен ее отец Андрей Толоконников и, кроме того, в выпуске показывают интервью мужа Толоконниковой Петра Верзилова. Мы, конечно, не знаем, является ли выбор гостей результатом того, что семьи Алехиной и Самуцевича не хотели принимать участия в ток-шоу или их не пригласили вообще, но можно утверждать, что такой выбор является попыткой перейти из политического дискурса в дискурс частной жизни.

В ток-шоу показывается видео с Герой, дочерью Толоконниковой, в котором она печалится о сидящей в клетке маме. В конце видео Гера посылает привет маме: «Я очень тебя люблю и очень тебя целую» («Пусть говорят», Бесы 2012, www). После видеоклипа шоу возвращается в студию, в которой только несколько человек аплодирует после видео. Таким образом становится ясно, что большинство из приглашенных студию зрителей не одобряет действие активисток. Это, конечно, выбор производственной компании ток-шоу и это влияет на властные отношения, так как создается впечатление, что у группы Pussy Riot мало сторонников. Использование видео с Герой обращается к эмоциям зрителей ток-шоу. Мы видим маленькую девчонку, которая скучает по маме, и понимает, что мама сидит за решеткой. После видео ведущий ток-шоу Андрей Малахов спрашивает у отца Толоконниковой, который приглашен в студию, с кем Гера теперь, когда ее матери нет дома. То есть намекается, что Толоконникова должна быть дома с Герой, которая страдает из-за поступка матери. Согласно доминирующему в данном ток-шоу дискурсу, место женщины – дом и частная сфера. Это совпадает российским стереотипом, согласно которому:

Социальная активность женщины опасна, а борьба за права женщин и гендерное равноправие ведут не столько к изменению «правил игры», сколько к нарушению порядка в обществе и в семье» (Баллаева и др. 2009:45).

В «Пусть говорят» конструируется дискурс о материнстве как защитнику от деморализованных ценностей, представляя, что в семье Толоконниковой и Верзилова семейные роли в беспорядке из-за хулиганства матери. Ведущий ток-шоу Малахов не выступает в своей роли нейтрально, а позиционирует себя на стороне тех, кто осуждают действие Толоконниковой и ставит под вопрос ее порядочность как матери Геры. Политический аспект действия Толоконниковой не получает много внимания, только в конце

выпуска Алла Гербер (Член общественной палаты Российской Федерации и писатель), рассказывает, о чем идет речь в панк-молебне:

[...] что касается суда, они выступили не против религии, не против христианства, и не против православия. Они выступили против церкви как государственного института [...] («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www.)

Толоконникову характеризуют как хулиганку, из-за которой ее семья страдает. Здесь понимание того, что является политическим действием, такое же, как позже в суде, где было решено, что панк-молебен не является политической акцией, так как в церкви не произносились имена никаких политиков. То есть суд опирался на традиционное представление о политике как синонима государству, в котором религия, гендер и культура не играют роли (Bernstein 2013:234).

Ведущий ток-шоу Малахов напоминает публике о скандальной акции группы «Войны» в зоологическом музее Москвы как еще одном примере аморальности Толоконниковой, напоминая ее отцу о скандальном действии группы «Война» в зоологическом музее Москвы:

Тогда я расскажу вам как *папе*, что на *девятом месяце беременности ваша дочь* вместе с другими представителями группы «Война» — был обычный день в биологическом музее, где ходит *экскурсия детей*, и люди, попадающие в зал музея, видят, как *совокупляются представители группы «Война»*, которые считают себя художниками («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www. Курсив мой – ЭК).

То есть намекается на то, что Надежда Толоконникова занималась сексом в публичном месте, что отнимает у нее политическую роль в обществе. И то, что она занималась сексом публично, будучи беременной, делает данный поступок даже более скандальным и порицательным. Ее отец должен был извиниться за поступки дочери и чувствовать стыд, но его подобные действия не волнует. Наоборот, он напоминает, что «Война» получила (...) российскую премию за инновации в области современного актуального искусства, за фаллос на Литейном мосту» (там же), и объясняет, что это часть мирового тренда в современном искусстве. Малахов отвечает, что

«Я тоже считаю, что это прекрасно, когда занимаешься этим у себя в спальне, но, когда маленькие дети гуляют в музее, приходят в зал и видят это, я считаю, что это недопустимо. И уже тогда нужно было наказать всех этих участников на 15 суток [...]» (Там же.)

Ведущий уже не говорит о панк-молебне, а напоминает, что Толоконникова и раньше поступала аморально и, что еще хуже, делала это перед детьми. Далее ведущий Малахов ставит вопрос:

Не опасно ли маленькой девочке [...] оставаться с такой мамой, которая так проводит свободное время? («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www)

и главный редактор одной из самых популярных газет в России «Московский комсомолец» Павел Гусев также использует дискурс заботы о детях как способ представить Толоконникову в плохом свете:

Мне очень жалко думать о судьбе дочери этой девушки. Я не представляю, что из нее выйдет, но мне кажется, что ничего хорошего. (Там же).

Телеведущая Ольга Бакушинская выступает против тюремного наказания Pussy Riot и говорит, что участницы не являются угрозой для общества, и кто-то из зрителей кричат «а дети смотрят на это!» (там же), видимо, ссылаясь на разные акции участниц. То есть действие группы представляется детям как разрушающее моральные понятия. Дискурс заботы о детях функционирует эффективно, так как никто, конечно, не хочет быть обвинен в причинении ущерба детям.

Акция «Войны» в зоологическом музее была, безусловно, шокирующей, но зачем хотят упоминать данную акцию, ведь речь идет о панк-молебне? Я предполагаю, что этим пытаются подчеркнуть, что Толоконникова плохая и аморальная мать. Она разрушает привычное представление образа матери, потому что, конечно, парадоксально, что сексуально активную женщину видят противоположной этому образу. Другими словами, она разрушает символическую систему российской культуры, так как, согласно де Лауретис, данная система связывает пол с культурным содержанием в соответствии с общественными ценностями и иерархией положений (de Lauretis 2004:41). Толоконникова противоречит своим поведением тому, как женщин представляют в культуре и тому, что их не признают в политике. Женщина, которая переходит границу, является, на взгляд многих гостей, прямой угрозой своим детям, то есть материнство, сексуальность, политическая активность представляются ими как исключаящие друг друга вещи. Другими словами, дается понять, что место сексуальной женщины или матери вообще не в политике, и женщин, которые разрушают данные границы, надо наказывать. Антииерархичный идеал политического активизма Pussy Riot проявляется через образ женского феминистского субъекта, который захватывает публичную сферу, отказываясь от роли пассивной женщины. Данный феминистский субъект требует свободного от всякого шовинизма и сексизма общества и таким образом противостоит дискурсу об идеальном гражданине, который чаще всего представляется в СМИ как мужчина, поддерживающий маскулинные ценности путинской политики с вертикальной системой

государственного управления. Pussy Riot противостояли данной модели идеального гражданина, представляя феминистский субъект, поэтому публике напоминают о том, где место женщины на самом деле, и женщина, которая отказывается от этого места, осуждается как плохая мать.

В дискурсах сторонников тот факт, что Алехина и Толоконникова являются матерями, представляется как причина освободить их или, по крайней мере, не судить их жестоко. Муж Толоконниковой и член группы «Война» Петр Верзилов повторяет дискурс об Алехиной и Толоконниковой как матерях. Он дал «Пусть говорят» интервью, в котором он говорит:

Как возмущенный гражданин [...] как муж, и как даже вместе с тысячами [...] в том числе верующих, возмущен тем, что *двух матерей власть смогла посадить под арест, лишить их свободы, оторвать их от собственных детей* [---] («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www. Курсив мой – ЭК).

Аргументация и здесь обращается к эмоциям зрителей, и, может быть, Верзилов хочет таким образом привлечь публику на свою сторону. Но так как члены Pussy Riot являются феминистками, сомнительно, одобрили бы они сами такой дискурс, ведь он намекает, что достоинство женщины зависит от того, есть у нее дети или нет, и своим следствием поддерживает гегемонистское понимание в России о роли женщин в обществе. И можно спросить, нужно ли Екатерину Самуцевич освободить, так как у нее нет детей?

Максим Шевченко, в свою очередь, видит материнство как доказательство зрелости участниц Pussy Riot и доказательство того, что они знали, что они делали и поэтому им нужно понимать, что у хулиганства есть последствия, так как они «взрослые бабы с детьми» («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www) и «не девочки, а там матери, взрослые женщины с детьми» («В Контексте», «Скандал в храме» 2012, www). Однако он также не признает участниц группы как деятелей политического активизма, а считает панк-молебен просто провокацией, которую он сравнивает с пьяным дебошем «американских псевдозвезд».

[...] это взрослые бабы с детьми [...] значит, они рассчитывали на то, что вот их будут сажать, (они будут - ЭК) за решеткой сидеть. Поэтому, мне кажется, мы должны быть умнее чем те провокаторы, которые это планировали. Когда *американские звезды, так называемые псевдо-звезды, пьяные или какой-то дебош совершают*, мы что видели? Мы видели *Пэрис Хилтон*, которая подметала улицу. Мы видели *Бритни Спирс*, которая тоже что-то подметала. Пусть они в желтых робах, под руководством прекрасных, трудолюбивых киргизских рабочих, подметают наши московские улицы! («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www. Курсив мой – ЭК.)

Шевшенко сравнивает панк-молебен с пьянством и дебошем, которое является весьма сильным способом отнять у участниц Pussy Riot положение политических активисток. Кроме того, он переходит с дискурса материнства на дискурс, сравнивающий участниц с поп-звездами, которые имеет мало общего с музыкой и политикой Pussy Riot, и являются известными своей внешностью и имиджем как бимбо-блондинки.

Дискурс о роли женщин изначально как матери выявляется в ток-шоу «Пусть говорят» и через отношения Толоконниковой и ее матери. Матери звонили и спрашивали об их отношениях, но она не хотела комментировать или прийти в студию комментировать действие своей дочери. Ведущий «Пусть говорят» Малахов интерпретирует ситуацию следующим образом:

«[...] мама отказывается от своей дочери, да? Ей все равно, что происходит. Надя действительно обижена на весь мир, потому, что не получила должной любви. И теперь все это выливается вот в акции протеста и в привлечение внимания к себе» («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www.)

Согласно данному сценарию, радикальное феминистское действие Толоконниковой является результатом того, что ее мать отказалась от нее и из-за разрушения семьи все испорчено вместе с нравственными ценностями. Следовательно, действие Pussy Riot и его мотивация в сознании Толоконниковой превращается (в интерпретации Малахова) в семейную драму и развлечение, в которой дочь хулиганствует, потому что ее отец является атеистом и мать отказывается от нее. Одновременно о политическом и феминистском аспекте молчат, его делается невидным. В этом дискурсе, наоборот, Толоконникова инфантилизируется, что странным образом противопоставляется проанализированным мной выше пунктам того же ток-шоу, в которых Толоконникова сама представляется как мать. Но важно заметить, что в обеих ситуациях Толоконникова связывается с семьей и частной сферой, а не представляется как политическая активистка, выступающая в публичной сфере.

В ток-шоу «Пусть говорят» возник дискурс материнства как в выступлениях сторонников группы Pussy Riot, так и у противников, который, на мой взгляд, является результатом того, что государство акцентирует репродуктивную роль женщин и для поддержки гегемонистских властных отношений, в которых только мужчина является политически активным. Так как «Пусть говорят» является программой государственного канала, неудивительно, что данный дискурс широко используется. Феминистский субъект Pussy Riot угрожает путинской политике вертикальной власти, поэтому считается важным напоминать публике о «первоначальной роли» женщины. Вероятно, дискурс материнства такой доминирующий, что

даже многие сторонники группы не понимают, что он противостоит радикально феминистскому дискурсу Pussy Riot.

4.6. Патриархатные дискурсы в ток-шоу «В Контексте», «Госдеп-2» и «Пусть говорят»

Как было замечено уже предыдущем разделе, Pussy Riot не только представляются как матери, но, кроме того, инфантилизируются или представляются как жены, вместо того, чтобы их представили самостоятельными женщинами. Кроме «Госдеп-2», в другие ток-шоу не слышат голоса сами Pussy Riot или других феминисток, а за их поступки отвечают мужчины: в «Госдеп-2» муж Толоконниковой Петр Верзилов и адвокат Pussy Riot Марк Фейгин, в «Пусть говорят», кроме Верзилова, отец Толоконниковой Андрей Толоконников. «В контексте» не слышат комментарии семьи участниц, но мы также не слышим мнения феминисток об акции. Так появляется проблема с репрезентацией: кто репрезентирует кого, кто выступает за тех, чей голос не слышен?

В ток-шоу те, кто меньше всего критикует акцию Pussy Riot, кроме Верзилова, Толоконникова и других участниц Pussy Riot, являются художники, но и они считают акцией неудачным. Я не буду обращать особенное внимание на высказывания данных художников, так как в них мало возникает гендерных значений. Все же то, что деятели политического искусства, как Марат Гельман и Олег Кулик не обсуждают, в чем разница акции Pussy Riot в сравнении, например, с акциями «Войны», конечно, значительно. Гельман говорит, что «это акция плохая, художник не должен вступать в сакральное пространство» и что, «с моей точки зрения, в отличие от акции «Войны», – это акция слабая, плохая» («В контексте», «Скандал в храме» 2012, www). Мнение Гельмана совпадает с наблюдением Ани Бернштейн о том, что защитники группы, относящиеся к интеллигенции, часто не одобряли панк-молебен в целом, а критиковали выбор места выполнения акции (Bernstein 2013). На взгляд Гельмана, художникам нельзя вступать в пространство церкви, как и представителям церкви нельзя вступать в пространство искусства. О том, является ли это нарушение границ пространств частью феминистского политического активизма, не говорят. Напомню, что Pussy Riot считают проблематичным то, что феминистские вопросы часто обсуждаются среди интеллектуалов, а эти вопросы не выходят на уровень публичного разговора (Volkova 2011, www). Критику художниками арт-

активизма Pussy Riot можно видеть как расхождения в вкусах, но если мы посмотрим глубже, можно задать вопрос: должны ли Pussy Riot волноваться и о том, что интеллектуалы не обращают внимания на гендерные вопросы, и таким образом сами поддерживают гендерные властные отношения? Не странно ли выглядит обстановка в ток-шоу: мужчины-художники среднего возраста обсуждают феминистский арт-перформанс, не произнося главные тезисы радикального феминизма, а просто называя подобное искусство плохим.

Патриархатное отношение к участникам Pussy Riot становится ясным из примера, который я обсудила уже в предыдущем разделе. Ведущий ток-шоу «Пусть говорят» Андрей Малахов спрашивает у Толоконникова об акции группы «Война» в биологическом музее, в которой Толоконникова участвовала.

Тогда я расскажу вам как папе, что на девятом месяце беременности ваша дочь вместе с другими представителями группы «Война» – был обычный день в биологическом музее, где ходит экскурсия детей, и люди, попадающие в зал музея, видят, как совокупаются представители группы «Война», которые считают себя художниками («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www. Курсив мой–ЭЖ).

Это напоминает сценарий из школы: преподаватель говорит родителям, какие плохие поступки совершили их дети, и ожидает, чтобы они их наказали. Интересно, что Надежда Толоконникова представляется здесь одновременно как младенец, дочь его отца, от кого требуют наказания, и мать, правда плохая, но мать все же. Данные роли матери и дочери представляются противоположными роли феминистской активисткой. Толоконников отказывается от роли строгого отца, который должен защищать честь своей дочери, и таким образом сопротивляется патриархатному дискурсу ведущего и деконструирует традиционные репрезентации полов.

Толоконников отвечает ведущему, что уличные акции группы «Война» – это часть современного тренда, которым занимаются большое количество людей, и не Надежда Толоконникова его придумала. Он гордо подчеркивает, что группе дали российскую премию за инновацию в области современного актуального искусства за фаллос на Литейном мосту в Санкт-Петербурге. То, что в студию пригласили отца Толоконниковой, интересно; кажется, что ведущий раздражен тем, что Андрей Толоконников не стыдится в том, что делает его дочь. Его представляют как плохого неверующего отца, который позволяет дочери делать, что она хочет.

Генерал армии казачьих войск Валерии Камшилов спрашивает: «Почему он воспитал такую дочь?» («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www) Поступки Толоконниковой видят как результат неправильного воспитания, а не как следствие феминистского пробуждения, проводящего к политическому активизму. Данный дискурс отнимает роль субъекта у Толоконниковой. Главный редактор газеты «Московский комсомолец» Павел Гусев, в свою очередь, оформляет свои мысли, что надо поступить с участниками Pussy Riot следующим образом: «Не наказывать, наказывать, а воспитывать, воспитывать» (там же). Некоторые из гостей ток-шоу предлагают, что Pussy Riot нужно общественное наказание, которое можно также видеть как попытку воспитывать участниц. Максим Шевченко в «Пусть говорят» высказывает такую идею:

Оскорбительно, но не надо посадить в тюрьму. А заставить подметать территории храма в течение года. («Пусть говорят» «Бесы», 2012, www.)

и вице-президент общественной организации «Медиасоюз» Елена Зелинская повторяет ту же мысль в «Госдеп-2», говоря: «Пусть помоют полы в храме Христа Спасителя» (Госдеп-2, 2012, www). Кроме того, что Ксения Собчак ведет передачу о Pussy Riot в ток-шоу «Госдеп-2», она выступает как гость в ток-шоу «В контексте» на Первом канале. Она называет Pussy Riot «молодыми девочками», и, как и другие представители интеллигенции в разных ток-шоу, считает, что акцию «сделали крайне неудачно», но важно подчеркнуть, что в своем ток-шоу она показывает видеоклип, в котором участницы Pussy Riot сами комментируют арест Алехиной, Самуцевича, Толоконниковой и мотив акции в Храме Христа Спасителя. Это делается в самом начале, что важно.

В остальных ток-шоу не слышны голоса Pussy Riot или других феминисток. Участницы, конечно, описывают, что они хотели критиковать в панк-молебне, но интересно, что даже они подчеркивают жестокость власти, используя формулировки как «три молодые матери» и «трех молодых женщин в темницу» («Госдеп-2» 2012, www). Притом надо обратить внимание на то, что и здесь в ток-шоу феминистки не участвуют в разговоре с другими гостями ток-шоу, а только показывают их комментарии действий Pussy Riot. Конечно, можно предполагать, что Собчак действительно пригласила участниц в студию, но они отказались. Все-таки было бы интересно слышать мнения и других феминисток об акции, как ее принимали в данных кругах. Так как среди гостей никто не говорит о феминизме или прямо идентифицируется как феминистка или феминист, феминизм как политическое явление не разъясняется зрителям ток-шоу. Также не становится ясным многообразие феминистских инициатив в России и как они относятся друг к другу. На основе моего анализа выясняется, что подобный разговор остается только в маргинальных интернет-обществах феминисток, а не выходит на уровень

общественного разговора. Таким образом феминисткам не разрешается выступить в роли специалистов в сфере феминизма, а вместо этого мы слышим, как разные общественные деятели и художники принимают активизм Pussy Riot.

Петр Верзилов также опирает на дискурс, представляющий участниц безобидными «молодыми женщинами», которые попали «в тюрьму за молебен» (Госдеп-2). Как отмечается Акуловой, покровительство распространено и в дискурсах защитников Pussy Riot, которые называют участниц такими словами (Akulova 2013). Здесь речь идет об образе женщины как «слабом поле», которая является первоначально представителем своего пола, а не индивидуумом с политической ролью. В «Госдеп-2» Собчак хочет еще больше подчеркивать понимание о женщине как слабом существе и «собственности» мужа и о мужчине как сильный защитнике своей женщины. Таким образом даже защитники группы воспроизводят представление о том, что мужское и женское – дополняющие и одновременно исключают друг друга категории (de Lauretis 2004:41). После того как Тор называл участниц Pussy Riot блядами, она спрашивает у Верзилова:

У меня тогда другой вопрос вам как к мужу Надежды Толоконниковой. Вот, то, что Владимир Тор позволяет себе такие оскорбления в том числе в адрес вашей жены, ни каких у вас эмоции не вызывает? Ну, вот такой просто мужской эмоции? То есть я не призываю к какой-то драке и насилию. Нет, просто вот я удивляюсь. («Госдеп-2 2012, www.»)

Верзилов отвечает, что:

У меня были такие мысли о драке и насилии в отношении Владимира Тора, не знаю, насколько это подойдет к формату передачи, если Владимир Тор пожелает, можно даже что-то подобное. можно даже в прямом эфире телеканала «Сноба» устроить *дуэль* (Там же. Курсив мой–ЭК.)

Он, как мне кажется, иронизирует над традицией дуэли и никакой агрессии не выражает тем, как он говорит. Поэтому можно утверждать, что он шутит и как муж феминистки не хочет поддерживать понимания о мужчине и женщине как дополняющих друг друга категориях и стереотип о женщине как слабом поле.

В дискуссиях разных источников СМИ также появляется идея, что участницы Pussy Riot не сами придумали свою акцию, а за их действием есть кто-то другой. Член общественной палаты РФ, муфтий Москвы и центральной России Альберт Крганов убежден в этом понимании, он говорит в «Пусть говорят», что:

«хотел бы я у этих девушек спросить, кто же все-таки их на это дело подвиг, кто режиссер этого всего» («Пусть говорят», «Бесы» 2012, www)

Это является способом отнимать роль феминистских активисток как серьезных политических деятелей, так как предполагается, что они не могут работать независимо от какого-то для достижения своих феминистских целей. Также предполагая, что кто-то «их на это дело подвиг» и является «режиссером этого всего», намекается на возможности, что за действием могут быть иностранные деятели, желающие разрушить общественный порядок России. Данный дискурс таким образом поддерживает понимание о феминизме как нерусском явлении.

В дискуссии в интернет-обществе «Феминистки» также можно найти дискурс, в котором отнимается роль феминистского субъекта у участниц Pussy Riot. Пользователь Mariko пишет:

[---] У меня вообще сложилось впечатление (личное, ест[ествен]-но), что *кто-то просто раскручивает девчонок как новую группу, как татушек когда-то*. Но т.к. поющих трусов и так уже достаточно, решилось, что нужно что-то посвежее и типа поактуальнее. («Живой журнал», «Феминистки» 2012, www. Курсив мой–ЭЖ.)

Она сравнивает Pussy Riot с поп-дуэтом t.A.T.u, который завоевал огромную популярность в России и за рубежом. Группа была создана продюсером Иваном Шаповаловым, который придумал солисткам Юлии Волковой и Елене Катине имидж как лесбиянок. То есть Mariko верит, что Pussy Riot – такая же придуманная мужчиной поп-сенсация, главной целью которого является бизнес.

Этот же пользователь сравнивает Pussy Riot с украинской феминисткой группой «Фемен»:

их выступления наводили на очень подозрительные мысли – все эти метро, магазины и т.п., после которых им ничего не было. все это похоже на организованную кем-то еще движуху – так же, как за рамками фотографий с фотосессий Фемен стоят фотографы-мужики, и кто-то, оплачивающий им визы и билеты в Давос. (Там же.)

Автор не верит, что Pussy Riot и Фемен являются самостоятельными активистками, а утверждается, что каждый пункт их действия организован мужчинами. Неожиданно читать такой комментарий в интернет-обществе «Феминистки», так как, на мой взгляд, кажется, что данный пользователь сомневается в способности женщин самим устроить впечатляющую

акцию в общественных местах, которые, как правило, полны полицейских и охранников, и, следовательно воспроизводят репрезентации женщин как слабого пола.

Участниц представляют не в образе самостоятельной женщины, а как собственности отца («Пусть говорят»). Поэтому акция представляется результатом неудачного воспитания, и, следовательно, участниц надо воспитывать. В ток-шоу также возникает дискурс, поддерживающий понимание о женщине как «слабом поле» и о мужчине как ее защитнике. Подобный дискурс воспроизводят гегемонистские гендерные отношения и представляет полы как дополняющие друг друга. Возник и сопротивляющийся вышеупомянутому дискурс, так как отец Толоконниковой не согласился выступить в той роли, который ему предлагался ведущим ток-шоу и другими гостями. Противопоставление полов возникает и в следующем разделе анализа.

4.7. Современный феминизм как средство привлечь к себе внимание в статье «Pussy Riot – феминизм или синдром Бобчинского?»

В большинство из медиатекстов про Pussy Riot само явление феминизма не обсуждается прямо, а значения, которые даются феминизму и гендеру, появляются в дискурсах косвенно. Константин Кудряшов обращается к теме современного феминизма прямо в своей статье «Pussy Riot – феминизм или синдром Бобчинского?» («Аргументы и Факты», раздел «Общество», 2012 г.). Он обсуждает в ней свое собственное отношение к Pussy Riot и феминизму вообще.

Название статьи Кудряшова «Pussy Riot – феминизм или синдром Бобчинского» ставит риторический вопрос, можно ли действие Pussy Riot считать феминизмом или является оно на самом деле «синдромом Бобчинского»¹⁷, то есть желанием запомниться и получить внимание. Рядом с основным текстом в самом начале статьи стоит комментирующая женское движение конца девятнадцатого века цитата поэта Николая Щербины, относящаяся к 1866 году.

Теруань де Мерикуры

---

¹⁷ Петр Иванович Бобчинский – персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Автор статьи ссылается на желание Бобчинского быть знаменитым: «Хочу, чтобы обо мне знали в Петербурге».

Школы женские открыли,
Чтоб оттуда наши дуры
В нигилистки выходили (Кудряшов 2012, www.)

Он проводит параллель между радикальными женщинами в середине девятнадцатого века, которые поддерживали идею о социалистической революции и эмансипации и, кроме того, нарушали правила в обществе о том, как женщине надо поступать и выглядеть. Параллель уместна тем, что, как «нигилистки», так и Pussy Riot вызывали полемику и раздражение, потому что они проникли в сферу, которую принято считать мужской, и выступают как активные политические деятели в ней. Выбранная Кудряшовым цитата все-таки не относится положительно к женским инициативам того времени или женщинам вообще, как показывает то, что он говорит о русских женщинах как *наши дуры*. Таким образом, уже в самом начале статьи автор сомневается в феминизме Pussy Riot.

Автор обнаруживает свое раздражение по поводу Pussy Riot: «они кинули [...] всех, кто, так или иначе, следил за развитием этой истории» (Кудряшов 2012, www). Особенно его раздражает в Pussy Riot их несоответствие тому, что он понимает как феминизм. Он разделяет историю развития феминизма на три части, приводя примеры из каждого этапа, и таким образом сравнивает Pussy Riot с такими феминистками, как Клара Цеткин¹⁸ и Мария Арбатова¹⁹. Также предлагается, что Pussy Riot является частью современного мирового феминизма. В конце статьи автор приходит к выводу, что феминизм Pussy Riot не занимается серьезными делами женщин, а что у них главная цель – запомниться и привлечь к себе внимание. (Там же.)

Описывая Pussy Riot, автор использует описания: *плясуньи, классическая команда современных феминисток, поколение чудовищ и карликов, впрямь верующие*. Еще он перечисляет слова, которыми другие журналисты называли их: *панки, музыканты, коцунницы, радикальные оппозиционерки, хулиганки, ведьмы, долбанутые дуры*, и добавляет, что эти определения в принципе верны, но не отвечают на вопрос о том, почему они такие. (там же, www.) Первое наблюдение по поводу данных слов, описывающих Pussy Riot, – это то, что они

---

¹⁸ Клара Цеткин (1857 – 1933, Архангельское, СССР) – немецкий политик, деятельница немецкого и международного коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии, активистка борьбы за права женщин. (Spartacus Educational, www)

¹⁹ Мария Ивановна Арбатова (1957) – писатель, драматург и психоаналитик. Она является одной из самых известных в России феминисток. Арбатова основала феминистскую организацию «Гармония» в 1990 годы и принимала участие в партийной политике (в 1999 году она баллотировалась в Государственную Думу от Союза правых сил, и в 2007 году по списку Партии социальной справедливости). (Интернет-страница Марии Арбатовой 2012, www, Salmenniemi 2014: 313.)

противоречивые. Слова *панки, музыканты* делают акцент на то, что Pussy Riot является панк-группой, и не относятся к группе слов, связанных с политикой или феминизмом. Этими словами автор сам не описывает группу Pussy Riot, а неоднократно называет их плясуньи, словом, которое ассоциируется с чем-то непрофессиональным, диким, несерьезным.

Презрительное отношение автора к группе также видно в следующем предложении: «[...]барышень, надевших на голову бабкины чулки с дырками и сплясавших в храме Христа Спасителя» (Кудряшов 2012, www). Говоря о «бабкиных чулках с дырками» и о сплясавших барышнях, автор показывает действие Pussy Riot как что-то смешное и несерьезное, совсем отбрасывая феминистский активизм группы. Как утверждает Терезой де Лауретис, есть культурно специфические представления о том, что такое мужское и женское, и их видят как категории дополняющие и одновременно исключаящие друг друга. De Lauretis 2004:41) Сфера политики традиционно не связывается с женщинами в русской культуре (Баллаева и др. 2009:45). Своим радикальным феминизмом Pussy Riot пересекала данные границы, но автор старается проводить параллель действий группы с несерьезными и неполитическими делами. Важно заметить, что автор уже совсем не использует слова политического дискурса. В этом описании действий группы нигде в статье не говорится подробнее о политических интересах группы. Автор включает Pussy Riot в число представителей современного феминизма, но не специфицирует, какой феминизм именно он имеет в виду.

Такие очевидно отрицательные слова, как *кошунницы, хулиганки, ведьмы, долбанутые дуры* автор не использует в своем тексте, кроме той части, где говорит, что такими словами другие журналисты называли Pussy Riot. Стоит обратить внимание на то, что он и не отрицает эти слова, и на то, почему он хотел повторить именно эти слова из других медиатекстов, а не выбрал описания из дискурсов с положительным отношением к группе. (Кудряшов 2012, www.) Отрицательное отношение автора к Pussy Riot становится ясным.

Далее автор начинает раскрывать свое мнение о том, почему Pussy Riot именно такие, которых можно называть вышеперечисленными словами. По мнению автора, Pussy Riot является *классической командой современных феминисток*. Это интересный момент, потому что автор здесь первый раз называет то, о чем Pussy Riot сами заявили. То есть автор признает Pussy Riot в качестве субъектов феминизма, у которых есть свои цели, агенда и критерий. (Там же.)

Все-таки в предложении есть идея, что в феминизме Pussy Riot нет ничего своеобразного и оригинального, а они лишь следуют по пути «современных феминисток» (там же). В

дискурсах, в том числе научных, о том, возможен ли вообще феминизм в России, часто встречается аргумент, что феминизм и женский вопрос – чуждое и западное явление и поэтому не может получить большой поддержки в России. На мой взгляд, очевидно, что, хотя теории западных мыслителей как, например, Симона де Бовуар, Розы Брайдотти и Джудит Батлер влияют на феминизм Pussy Riot, в их действиях активно присутствует русский элемент. Самый яркий пример – это то, что Pussy Riot молили Богородицу прогнать Путина. Богородица играет важную роль в русской культуре и часто считается спасительницей «Матушки-Руси» от подчиняющего ее, Россию, государства (Рябов, 2001:99-113).

Далее автор выражает свое мнение о том, что раньше «относился к феминисткам вполне доброжелательно. Наверное, потому, что иконой и образцом любой феминистки считал Клару Цеткин» (Кудряшов 2012, www). То есть автор утверждает, что ценит первую волну феминизма с суфражистками. Он представляет, что такое феминизм, разделяя историю его развития на три части. Он говорит, что из этих трех *поколений*²⁰ он больше всего уважает *поколение богов*, которое включает в себя Клару Цеткин. Автор не является последовательным в своей аргументации, так как в заголовке он обвиняет Pussy Riot в том, что они только хотят привлечь внимание к себе, а уважает Клару Цеткин, которая была талантливым оратором, искусно привлекающая внимание к политическим целям. Также весьма парадоксально то, что журналист критикует то, что люди используют СМИ для достижения своих целей; разве это не одна из ролей СМИ? Ко второму поколению, то есть *поколению людей*, как он его называет, относится Мария Арбатова, о ком он говорит: «Максимум, на что она способна – бороться за право женщин на аборт. [...] гораздо больше способностей проявляет на ниве банального и не очень-то интересного мужененавистничества». (Там же.) То есть автор умаляет активизм Арбатовой и утверждает, что для нее характерно мужененавистничество. Дискурс о мужененавистничестве феминисток не является чем-то новым в дискурсах противников феминизма, но интересно, что автор никак не обосновывает свое мнение.

Третьим и самым неудачным этапом феминизма автор считает *поколение чудовищ (или карликов)*, к которому он считает принадлежащим Pussy Riot. «Называют себя феминистками [...]. Однако ж как феминистки не проявляют себя никак. [---] Отсутствует даже

---

²⁰ Автор ссылается на античную мифологию: «Поколение делятся на поколения богов, поколения людей и промежуточные поколения – чудовищ и карликов. Это справедливо для развития любой общественной формации, будь то племя, партия или движение. Пример феминизма иллюстрирует это как нельзя лучше.» (Кудряшов, 2012, www)

мужененавистничество». (Там же.) Кажется, что автор разочарован в том, что Pussy Riot не относятся к мужчинам с ненавистью – черта, которую он соединил с феминизмом Арбатовой.

Автор отнимает у Pussy Riot их позицию субъектов феминизма, хотя раньше говорил, что Pussy Riot является *классической командой современных феминисток* (там же). То есть для автора современный феминизм – не феминизм. Как я уже отмечала в теоретическом разделе, ссылаясь на де Лауретис, надо заметить, что некоторые мужчины-авторы отказываются признавать проблемы, связанные с гендером, и оставляют без внимания проблемы реальных женщин (de Lauretis 2004:48). В этом тексте это видно в том, что автор считает важными феминистскими вопросами, например, избирательное право, то есть уже решенную проблему, а не называет те проблемы, которые, на взгляд Pussy Riot, важны. Кажется, что только первая волна феминизма (хотя в России феминизм развивался не тем самым путем как на Западе, но, на мой взгляд, феминизм Цеткин относится к первому этапу в русском феминизме) важна автору. Автор далее прямо предполагает, что Pussy Riot, на самом деле, не борются за права женщин. Автор задает множество риторических вопросов, с помощью которых он пытается убеждать читателей в том, что Pussy Riot не знают проблем женщин и эти проблемы не волнуют их.

Какие там права женщин, вы что? Хоть раз они заикнулись о том, что пособие матери-одиночке у нас составляет бешеную сумму в 750 рублей? Или о том, что женщины в среднем зарабатывают у нас на 30% меньше, чем мужчины? Или о том, что работодатели гораздо охотнее берут мужчин, которые вряд ли потребуют себе декретный отпуск? [---] Или о том, что после тридцати пяти лет женщине чрезвычайно сложно найти работу? (Кудряшов 2012, www.)

Эти вопросы представлены автором как истинные, и таким образом дают ему позицию авторитета в сфере феминизма. Как замечают многие гендерные исследователи, мужчины представляются в культуре авторитетами, владельцами информации, вообще деятелями публичной сферы, а женщины, наоборот, связываются с частной сферой. Следовательно, автор делает вывод, что борющиеся за права женщин феминистки должны заниматься именно делами и проблемами частной сферы, а не вмешиваться в политику.

Хотя автор декларирует свое уважение к феминизму, его риторика не совпадает с этим утверждением. Про Клару Цеткин он говорит, например: «*Тетка действительно сделала для облегчения участи женщин настолько до фига*, что простого перечисления ее заслуг не хватит, чтобы проникнуться к ней безмерным уважением» (Кудряшов 2012, www. Курсив мой – Э.К).

Автор разоблачает уровень своего уважения Кларе Цеткин использованием слов *тетка* и *до фига*, так как эти слова несерьезные и унижительные по характеру (там же). Кажется, что основная мысль автора не в том, что Клара Цеткин была серьезным политиком и активистом, а в том, что она была какой-то «теткой», которая занималась какими-то «женскими» делами, не имеющими политического значения.

Отношение автора к современному феминизму также презрительное, но этого он не пытается скрывать, а выражает свое мнение абсолютно открыто. Проблемы, над которыми современные феминистки работают, являются неважными, по его мнению. Он приводит пример, который, на его взгляд, точно характеризует современный феминизм, и в том числе и феминизм Pussy Riot. Согласно автору, современные феминистки хотят только

[...] не носить лифчиков и добиться права плавать в бассейне в купальнике без верха
[...] и
[...] всех мужиков заставить писать сидя.
(Кудряшов 2012, www.)

Одновременно он не открывает проблемы, описывающие Pussy Riot в панк-молебне, а дает понять, что вышеупомянутые вещи являются важными темами и для них, хотя активистки Pussy Riot, по крайней мере, в их акциях и интервью, ни разу не произносили подобные вещи как важными для них.

Далее автор рассказывает, что в том, что современные феминистки именно такими проблемами и занимаются, можно убедиться, листая феминистские сайты, в которых «много всего *смешного* еще можно найти» (Кудряшов 2012, www. Курсив мой – Э.К). Какие сайты автор здесь имеет в виду, он не раскрывает, а предполагает, что есть какой-то универсальный современный феминизм, и он знает точно, какие у того есть интересы, и эти интересы тривиальные. Автор искривляет образ Pussy Riot, перечисляя темы и проблемы, найденные им из каких-то случайных феминистских сайтов, и не определяя, какими темами группа сама хочет привлечь внимание. В конце автор приходит к выводу, что тренд мирового феминизма – не требовать ничего для женщин, а «просто устроить дикий кордебалет и цирк с конями». То есть он понимает эстетику и тематику цирка, которое Pussy Riot использует в своих акциях, включая панк-молебен, но, к сожалению, он не анализирует данную эстетику глубже.

Автор предполагает, что феминизм Pussy Riot нельзя даже назвать феминизмом, а это просто желание запомниться и привлечь к себе внимание. Наконец, автор обращается к тем, «кто называют себя феминистками», с вопросом: «Вы по-прежнему желаете запомниться?» (там же). Интересно, что автор прямо адресует вопрос русским феминисткам. Видит ли он в феминизме угрозу России или почему он так сильно хочет перечеркнуть современный феминизм в целом? Группа Pussy Riot используется автором в качестве плохого примера и идеала феминисткам. Здесь опять, кажется, автор хочет выступить в роли авторитета, который проявляет истинную заботу о прогрессе феминизма. Таким образом он поддерживает гегемонические властные отношения, не позволяя женщинам самим назвать проблемы, которые они хотят решить. Кажется, что он думает, что у всех женщин одинаковые проблемы, за которые они хотят бороться, и не видит разницу между женщинами.

Кажется, что намерением автора статьи не было доброжелательное стремление развивать и критиковать современный феминизм, который был когда-то нужным и хорошим явлением, хотя автор таким образом «маскирует» свои мысли. На самом деле ясно, что направления современного феминизма не знакомы автору, или, по крайней мере, он не хочет их анализировать основательно. Выбор не представлять разные направления современного феминизма, конечно, сделан сознательно – таким образом, автор может укреплять стереотипный образ современного феминизма с идеями о мужененавистничестве. Также автор не предоставляет голоса современным феминисткам, так как он произвольно приводит примеры современного феминизма с феминистских сайтов, которых он не перечисляет поименно, и не рассказывает, какие интересы участницы Pussy Riot сами упоминали. То, что автор говорит о проблемах женщин, утверждая, что Pussy Riot они не волнуют, лишает женщин роли экспертов в области своих собственных проблем.

Суммируя наблюдения над дискурсом текста, можно сформулировать следующие выводы: автор укрепляет гегемонические властные отношения, представляя себя в роли специалиста по феминизму. Автор также прямо отрицает значение и смысл современного феминизма, отнимая у «Pussy Riot» роль субъекта, борющегося за признание. Кроме того, использование подчинительной лексики говорит о том, что автор считает действия женщин неполитическими и несерьезными по характеру. На странице феминистского интернет-общества «Феминистки» в «Живом журнале» возникает дискурс, имеющий общее со статьей Кудряшова. Я рассматриваю в следующем разделе, как сами феминистки обсуждали феминизм Pussy Riot в рамках современного феминизма.

4.8. Поиск «правильного» феминизма в интернет-обществе «Феминистки» в «Живом журнале»

В комментариях «Живого журнала» в группе «Феминистки» действие Pussy Riot обсуждается именно с феминистской точки зрения, которая и составляет самое большое отличие данного материала анализа в сравнении с другими, в том числе от проанализированной мной выше статьи Кудряшова. Важно помнить, что, хотя феминистский дискурс деконструирует гендер как идеологическое репрезентационное искривление, он все же парадоксально сам конструирует гендер (de Lauretis 2004: 38-39). В интернет-обществе «Феминистки», например, началась живая дискуссия после ареста Pussy Riot, и в этой дискуссии не считали Pussy Riot феминистками, так как они не «выража(ют) реально феминистские идеи»:

Я атеист, но выступление Пусек в ХСС считаю хулиганством, скажем так. Если бы они хоть играли получше или выражали реально феминистические (или любые другие) идеи... («Живой журнал», «Феминистки», www)

Пользователь считает действие Pussy Riot хулиганством из-за отсутствия музыкального таланта и реально феминистических идеи. То есть для данного пользователя близкие связи между Путиным и Кириллом, роль женщин в православной церкви или его отношение к сексуальным меньшинствам не являются феминистическими проблемами, хотя, поскольку пользователь пишет в этой платформе, он или она, вероятно, идентифицируется как феминист. Кажется, что понимание самого термина «феминистическая идея» отличается у Pussy Riot от ее понимания многими пользователями.

Пользователь считает действие Pussy Riot хулиганством из-за отсутствия музыкального таланта и реально феминистических идеи. То есть для данного пользователя близкие связи между Путиным и Кириллом, роль женщин в православной церкви или его отношение к сексуальным меньшинствам не являются феминистическими проблемами, хотя, поскольку пользователь пишет в этой платформе, он или она, вероятно, идентифицируется как феминист. Кажется, что понимание самого термина «феминистическая идея» отличается у Pussy Riot от ее понимания многими пользователями.

В феминизме Pussy Riot сомневается и пользователь crazyprotein. Он/она пишет: «до сих пор никак не пойму, причем тут пусирают и феминизм» и «--За что борются девушки из

пусирайот? По-моему, только за внимание К (sic) себе» (там же). Он или она не понимает, почему тему обсуждается в данной платформе. Также пользователь sigrideimo не понимает, почему речь идет о Pussy Riot: «Я вообще не очень понимаю тонны внимания, которое уделяется Пуськам в феминистическом сообществе. Это так и должно быть?», и пользователь illyric отвечает на пост об аресте вопросом: «а какое отношение эта новость имеет к проблемам феминизма» (там же.)

Так как феминизм не является одной определенной идеей и пониманием о мире, а включают в себя весьма разных людей с иногда даже противоречивыми мнениями о целях, интересах и принципах феминизма, то какие проблемы можно считать феминистическими, можно поставить под вопрос. В вышеупомянутых комментариях делается именно так, но не говорится о многообразии феминисток. Гендер конструируется у субъекта через опыт расовых, классовых и сексуальных отношений (de Lauretis 2004:37), и так как данный опыт влияет на то, какие проблемы мы встречаем в мире, феминизм получает разные формы. Феминизм Pussy Riot является радикальным и осуществляется через искусство перформанса, которое, как пишет Акулова, может показаться буржуазным с точки зрения феминисток, работающих годами в разных организациях за права женщин. Согласно Акуловой, сотрудничество группы с феминистскими активистами было кратковременное и поверхностное, которое показывает, что цели группы прежде всего артистические, чем феминистические (Akulova 2013). Акулова не единственный автор, кто критикует группу из-за нехватки сотрудничества и коммуникации с другими феминистками. Пользователь isya выражает разочарованность в том, что группа Pussy Riot не участвовала активно в дискуссиях общества «Феминисток» в «Живом журнале», а просто «пару раз постили свои манифесты на много экранов в сообщество. после чего не отвечали на вопросы и вообще ни в каком разговоре заинтересованности не высказывали.» («Живой журнал», «Феминистки» 2012, www.)

Акулова сама идентифицируется как феминистический исследователь и активист и, несомненно, хорошо знакома с разными российскими феминистическими группами и поэтому знает, каким было сотрудничество Pussy Riot с ними. Но можно поставить вопрос: почему Pussy Riot не принимали участие в демонстрациях или других действиях данных групп? В кругах активисток всегда начинаются споры про легальность и радикальность, и, чтобы сотрудничать, надо делать компромиссы. Pussy Riot выбрали более изолированную и радикальную форму действия, которое – как явствует на основании комментариев – многим

не понравилось. То есть в дискуссии о том, кто является «настоящей феминисткой», конструируется понимание идеального женского субъекта. Должен ли данный субъект сотрудничать и делать компромиссы с другими женщинами и таким образом выявить им солидарность? Если признается, что универсальных характеристик женщин не существуют (de Lauretis 2004: 35-37), то сотрудничество и определение феминистских проблем может становиться проблематичным, но так как гендер конструируется как результат разных факторов и нельзя отрицать факт, что существуют довольно разные феминистские субъекты. Если разницу между женщинами отрицают, полифония и многообразие гендерного опыта исчезает.

Но почему радикальный акционный феминизм можно видеть как угрозу другим видам российского феминизма? Комментарий пользователя mariko_11 отвечает на данный вопрос следующим образом:

"Пуськи" допрыгались. Так и знала, что чем-то подобным всё и кончится. А уж совсем прекрасно – если феминизм приравняют к экстремизму и запретят нахуй. Малаццы, чо. Как тут не начать параноить и строить теории заговора. Жирный шрифт мой. (Там же.)

То есть она волнуется о том, что из-за действия Pussy Riot феминизм уже могут запретить совсем и даже намекается о возможности теории заговора, но в своем комментарии она не оценивает феминизм группы отрицательно. Такая забота, на мой взгляд, обоснованна, так как феминизм имеет отрицательные коннотации для многих россиян и феминистические проблемы редко достигают уровня общественного разговора в России. Также в России используют закон о хулиганстве для подавления диссидентов уже с времен Советского Союза, и во время власти Путина отношение к демонстрациям стало строже (Henry 2010:153). И мы знаем задним числом, что видеоклип о панк-молебне объявили экстремистским в ноябре 2012 года. В такой ситуации понятно, что многие феминистки-активистки не хотят, чтобы феминизм сравнивался с неодобряемым большинством действием и тем самым только укреплял бы предубеждения, которые могут препятствовать возможности воздействия феминисток и укрепления их принципов в народе. Все-таки mariko_11 объявляет, что:

Я планирую оставаться феминисткой и выражать свою точку зрения по этому поводу в рамках нынешнего законодательства, не боясь нарваться на крупные неприятности. Прекрасно же будет, если феминистические митинги запретят – скажем, из-за угрозы хулиганских действий! А туда всё и движется, вон что некоторые деятели позволяют себе говорить с экрана, Чаплина вспомните. А хуйня с законом о гендерном равенстве – похоже, власть предрешающие вообще не

поняли, о чём он... Запретят как экстремистов и всё. («Живой журнал», «Феминистки» 2012, www)

Среди комментариев все же есть и комментарии, в которых не хотят отрицать феминизм группы, несмотря на разные взгляды на него. Revicei_budu пишет:

ну а справедливости ради, они себя феминистками назвали, а феминистские дискуссии с ними вроде никто не вел. То, что их моральный облик, поведение и песни не вызывают позитива еще не значит, что они не феминистки. («Живой журнал», «Феминистки» 2012, www)

Данный пользователь признает многообразие российских феминисток, хотя и он/она думает, что их «поведение и песни не вызывают позитива». Revicei_budu также позволяет Pussy Riot самим определить, кто и что они есть и идентифицировать себя как феминистки, несмотря на то, что «феминистские дискуссии с ними вроде никто не вел» (там же). Данный разговор касается самой сути феминизма, так как феминизм стремится не только к уничтожению патриархата, а вместе с ним всех иерархий. Нужно ли отдельным феминисткам вести «феминистские дискуссии» с другими феминистками, чтобы назвать себя феминистками или достаточно самим определить себя как феминистки и создавать свой собственный образ феминизма? И даже существуют ли в феминистских кругах иерархии, в которых кто-то выступает в качестве авторитета, определяющего, кто феминистка и кто нет? Тот же пользователь ставит следующий вопрос:

ну я вот особой публичной борьбы тоже не веду, что ж я теперь не феминистка? (Там же)

Для улучшения гендерных отношений, конечно, важно, чтобы феминистки смогли сотрудничать или, по крайней мере, проявлять солидарность друг к другу, несмотря на разные формы феминизма. Об этом пишет kannsein:

Я обещала их поддержать и я думаю, что это действительно нужно сделать. Как женщин и матерей, как политических активисток, пусть даже их политические взгляды в конечном счете мне не близки. Я думаю, по крайней мере открытое письмо надо написать. («Живой журнал», «Феминистки 2012, www)

То есть данный пользователь готов поддержать участниц Pussy Riot, даже если она не разделяет политические взгляды. Пользователь litrlife, в свою очередь, признает значимость панк-молебна, так как с его помощью группа сделала известными свои интересы:

Ок, пусть Pussy Riot вообще ни за что не борются, и вообще они *не феминистки, а хулиганки*, но они все равно большими яркими буквами написали свой протест, у них берут интервью, о них говорят. (Там же. Курсив мой – Э.К.)

Однако она одновременно отрицает феминистический аспект действия, называя их хулиганками. Комментарий, конечно, противоречив: пользователь говорит, что Pussy Riot «ни за что не борются», но в одном же предложении пишет, что «они все равно большими яркими буквами написали свой протест», ведь «борьба» и «протест» можно понять как синонимы.

В платформе комментируется написанная Верой Акуловой на сайте colta.ru статья «Конформизм в протестной обертке?». В данной статье Акулова высказывает свое мнение о том, что все российские феминистки должны поддержать задержанных Pussy Riot, несмотря на возможные расхождения во мнениях, так как «когда другую женщину репрессируют за ее политическое высказывание, никакого выбора, по сути, нет, нужно просто проявить солидарность» (Акулова 2012, www). Но она добавляет: «Даже если точно знаешь, что на ответную солидарность при случае ты рассчитывать вряд ли сможешь» (там же). Здесь она, может быть, намекает на то, что Pussy Riot, на ее взгляд, не поддерживали другие феминистические организации и инициативы (Акулова 2013: 283). Выделивший статью на платформе «Феминистки» пользователь palka раскрывает отношение Акуловой к Pussy Riot следующим образом:

Вера Акулова много недель занималась прочойсовской кампанией (pro choice является мнением, поддерживающее права женщин делать аборт и решить о делах, касающихся своего тела. – Э.К.), выступала на митингах и в передачах, писала тексты, спорила с чиновниками, отстаивала поправки. А пусси райот после принятия закона спокойно заявили на гранях ру, что феминизма в россии нет, так как проблема абортотв никоого не волнует, не вызвала протестов и никак не освещалась в СМИ (сами ПР, надо сказать, в своих акциях абортотв не упоминали).

Непонятно, почему теперь Вера должна их поддерживать и выражать им солидарность.

Тем не менее, она это сделала. Написала о них деликатно и без иронии. Сохранила за ними достоинство, хотя они постоянно делают вид, что нас не существует. («Живой Журнал», «Феминистски» 2012, www.)

Псевдоним palka выражает разочарование в том, что Pussy Riot «постоянно делают вид, что нас не существует» (там же, www). То есть автор, как и Акулова, считает изоляцию группы от других феминистских инициатив проблемой, из-за которой можно было бы отказаться от солидарности.

Согласно Акуловой, группа Pussy Riot резко отличается от других феминистических инициатив, в том числе и от анархо-феминистических, несмотря на то, что группа сама

определяет себя именно такой, потому что участницам удалось достичь масштабного внимания в СМИ, и они этим воспользовались. Следует заметить, что здесь мнение Акуловой совпадает с идеями Кудряшова, написавшего статью «Pussy Riot – феминизм или синдром Бобчинского?», так как оба критикуют группу за использование медийных средств в политическом действии. Кроме того, Акулова считает, что группа Pussy Riot ответила на сексизм российских СМИ своей внешностью:

И, конечно, поскольку сексизм в российских медиа царит безраздельно, абсолютно все клюют на стройные ножки в цветных колготках и обнаженные на морозе хрупкие девичьи плечи. (Акулова 2012, www.)

Акулова не оценивает образ Pussy Riot в ярко-цветной женской одежде, а намекает, что они просто укрепляют образ женщины как объект сексуального желания. Акулова обвиняет группу в конформизме, то есть в том, что своим активизмом они заискивают перед сексистскими СМИ. В ее понимании, мне кажется, феминистка не должна иметь сексуальный, слишком женственный вид. Этим дискурсом Акулова хочет разрушать патриархальное понимание и конструировать образ феминистской женщины, которой не нужно привлекать мужчин. Феминистки спорят и в этом деле. Согласно феминисткам, подчинение женщин в обществе мужчинами проявляется в контроле над женскими телами и сексуальности (Freedman 2001:60). Следовательно, феминистки сопротивляются идеалу красоты, так как через их женщин объективируют, их ценят, только если они являются молодыми и красивыми, а не благодаря их внутренним свойствам. Но не все современные феминистки разделяют понимание, согласно которому одевающиеся сексуально женщин без исключения являются подчиненными и объективированными. Данные феминистки принимают сексуальность как силу и как натуральный способ самореализации и сопротивления, только в данном понимании женщина сама определяет свою сексуальность и свои собственные идеалы красоты и, как отсюда следует, женщина становится эмансипированной от требований, создаваемых ей обществом, где доминируют мужчины. Пользователь turtle t комментирует:

Остальной текст имхо не стоит чернил, которые пошли на его написание. Потому что в нём выражена а) горечь зависти и б) неудовольствие тем, что пуськи такие, а не сякие. И то и другое -- занятие суетное и бесплодное. *Они имеют право быть такими, какие они есть, и если их действия и подача, включая "стройные ножки", привели к их популярности, то вместо зависти и неудовольствия, лучше подумать, а чему бы у них поучиться, как привлечь к совместным акциям.* («Живой журнал», «Феминистки» 2012, www. Курсив мой – Э.К.)

Данный пользователь не считает сексуальность участниц отрицательной чертой, а утверждает, что «(о)ни имеют право быть такими, какие они есть». Она предполагает, что феминисткам

стоит «подумать, а чему бы у них поучиться, как привлечь к совместным акциям». Turtle_t видит в ситуации зависть, а не обоснованную критику к форме феминизма Pussy Riot, он отрицает возможность, что критика опирается на другие понимания о том, как феминистка должна относиться к телесности и сексуальности, превращая дискуссию в спор о том, кто красивее между женщинами, и воспроизводит понимание, что женщины находятся в постоянной конкуренции друг с другом.

Пользователь паика, выделяющий статью Акуловой на платформе «Феминистки», понимает точку зрения статьи, он/она реферирует главные тезисы статьи следующим образом:

Российские медиа любят яркие сенсации, но не любят новых нарративов, противоречащих сложившимся представлениям. Pussy Riot подчиняются этим правилам и предлагают вполне конформное содержание в яркой обертке. В результате консервативная часть их аудитории получает возможность утвердиться в предрассудке о том, что феминистки — это психованные девчонки, которым нечем больше заняться в жизни. А либерально-протестная часть публики может с удовольствием отождествиться с бесстрашными и веселыми активистками, не рискуя услышать ничего слишком уж серьезного и радикального. (Там же.)

Автор боится, что все феминистки будут ассоциированы с Pussy Riot, которые на ее/его взгляд *«психованные девчонки которым нечем больше заняться в жизни»*. Здесь интересно то, как и для Акуловой, так и для данного пользователя, группа Pussy Riot не является радикальной и серьезной в своем активизме, в то время как в российских и западных СМИ их называли именно как радикальную феминистскую группу. Далее она пишет:

В своей готовности играть по правилам и подчиняться авторитетам Pussy Riot напоминают, как ни парадоксально, прокремлевское женское объединение *«Отличницы»*. *При разительном несовпадении внешней оболочки девушки в балаклавах, как и чинные матроны, неизменно сообщают своими действиями, что они хорошие девочки и готовы слушаться мужчин. Даже на многочисленные сексистские оскорбления, которые потоками лились на них в «Живом журнале» задолго до акции у алтаря, они всегда отвечали удивительно мягко – ведь хорошим девочкам должно льстить сексуально окрашенное внимание мужчин.* (Там же.)

Она характеризует участниц Pussy Riot как *«чинных матрон, неизменно сообщаю(щих) своими действиями, что они хорошие девочки и готовы слушаться мужчин»*, что, на мой взгляд, никак не совпадает с их действием на акциях, так как уже выбор заниматься общественными делами оказывает сопротивление гендерным стереотипам, проявляющимся в российском обществе. Такими стереотипами являются то, что «женская и мужская «природа»

совершенно различна, противоположна, и этим обусловлено то, что женщины проявляют активность в частной сфере, а мужчины – публичной» и то, что «политика создана мужчинами, женщины в ней не нужны» (Баллаева, Здравомыслова, Арутюнян). Также поведение участниц не является, с моей точки зрения, чинным, так как они прыгали и пели, крича в стиле панка. То, что они «на многочисленные сексистские оскорбления [...] всегда отвечали удивительно мягко», может быть и средством сопротивления в таком виде, как Бернштейн видит их улыбки и мягкое поведение в суде как сопротивление (Bernstein 2013). Это может быть знаком внутренней свободы феминистских активисток, свободы, которую даже тюремное наказание не может задушить.

Кроме пользователя palka, и mishnouri выражает свое мнение о чрезмерном присутствии секса в текстах и поведении Pussy Riot:

Ну, в их песнях и интервью появляются идеи, весьма далекие от феминизма. О/с (оральный секс – Э.К.) как средство унижения, протест – это сексуально (с) и т.д. В общем, сомнения есть. («Живой журнал», «Феминистки» 2012, www)

и

Я о "полицейский лижет у тебя между ног" (фраза из их песнички). "Соврати батальоны полицейских девиц". Ну и так далее - везде секс как принуждение и средство доминирования. Причем не в форме "ах как это плохо, не надо так делать", а прямые призывы к "кнуту" и осуществлению власти. (Там же.)

Но интересно, что данный использовать, как мне кажется, считает проблематичным то, что Pussy Riot изображает секс как *принуждение и средство доминирования*, а не в положительном свете. Подобный дискурс властных отношений и секс как поле их проявления стал доминировать в феминистском дискурсе (Diamond & Quinby 1988: 194), но mishnouri ставит данный подход под вопрос. На ее/его взгляд, именно такой подход и изображение секса являются *далекими от феминизма*. («Живой Журнал», «Феминистски» 2012, www.)

Кажется, что в данном разговоре речь идет больше всего о споре между разными феминистками с разными видами действий и разными проблемами, к которым они обращаются, хотя намерением статьи Акуловой было проявить солидарность с Pussy Riot, несмотря на разные мнения. В разговоре о Pussy Riot пользователи одновременно объясняют свои собственные подходы к феминизму, определяя термин со своей точки зрения. Удивительно, что комментариев, признающих разные феминизмы, довольно мало. Хотя названия разных феминизмов не произносятся вслух, в разговоре можно найти (хотя только

одного) пользователя, который, как можно утверждать на основе псевдонима, идентифицируется как квир. В разговоре также участвуют верующие феминистки, критикующие выбор церкви для исполнения панк-молебна. Пользователь queerness выражает противоположное к комментарию palka мнение о «конформности» Pussy Riot:

Как-то сильно натянуты на мой взгляд обвинения в "конформности". Готовности "слушаться мужчин" в их посыле не вижу (Живой журнал «Феминистски» 2012, www)

В качестве ответа на представленную другими пользователями критику, согласно которой Pussy Riot ни за то борются, этот же пользователь также напоминает, что Pussy Riot защищали прав сексуальных и гендерных меньшинств:

да, как минимум - права ЛГБТК. "Гей-прайд отправлен в Сибирь в кандалах" - прямая отсылка к последним гомофобным законопроектам (там же).

Он/она как квир-феминист(-ка) ценит то, что группа упомянула актуальный и острый вопрос о правах ЛГБТК.

Пользователь sirin_from_shrm, который понимает точку зрения верующих, оскорбленных панк-молебном, вынужден(а) обосновать свою христианскую веру на феминистской платформе, так как некоторые думают, что православная вера и феминизм противоположны друг другу. Она/он пишет: «Я не вижу причин, почему феминистка не может быть верующей («Живой журнал», «Феминистки» 2012, www).» Ей/ему отвечает dance_in_gound следующим образом:

Вы не видите, я вижу. на мой взгляд, *верующая феминистка - это оксюморон и вывих мышления.*

но я не думаю, что мои доводы как-то повлияют на ваше мировоззрение, так что лучше мирно разоидемся. («Живой журнал», «Феминистки» 2012, www.)

и еще подробнее объясняет, почему для ей/его *верующая феминистка [...] оксюморон и вывих мышления:*

[---] абсолютное большинство авраамических религий (да и подавляющее большинство прочих) стоит на жестком регламентировании полоролевого поведения. *гендеры, проще говоря, прописаны так жестко, что шаг вправо-шаг влево - стрелять на поражение. феминизм как раз занимается тем, что борется против жесткого навязывания гендера, против регламентации ролей и освобождения человека от связи роли и пола.*

как приверженец религии может быть последовательным феминистом?

если же вы будете говорить "а конкретная религия ни при чем, бог в душе и прочее" - то ясно, что Вы не являетесь последовательным верующим, а вполне себе обычным деистом неясного генезиса. [---] (Там же Курсив мой – Э.К.)

Так автор представляет главные тезисы современного феминизма с пониманием гендерной системы как угнетающей силы, которую надо разрушать. Согласно пользователю, такая система неотделима от религий, а является коренной для них. Таким образом человек, поддерживающий такую религию, не может быть феминисткой. Он/она не признает возможность, что религия для многих является чем-то глубже, чем традиции и обычай и то, что есть отрицающие данные традиции люди, которые все-таки верят в Бога.

Важно напомнить, что, хотя действие Pussy Riot больше всего встречается критикой и в интернет-обществе «Феминистки», участницам группы все-таки разрешается объяснить свою агенду и интернет-сообщество пытается понять их действие с разных сторон. Пользователь kerry_lla приводит цитату из интервью Pussy Riot и Татьяны Волковой:

Они, похоже, читают наше сообщество, или речь идет о встрече в реале?
(выделенный шрифт мой)

"[...] Pussy Riot: Против нас выступила прежде всего МФГ (московская феминистская группа) – Плунгян и фрау Деррида. **Прочие участницы сообщества были настроены не столь категорично.** Появилась целая дискуссия по поводу того, насколько оправданно такое однозначно негативное отношение к нашему творчеству. Мы же не считаем, что Pussy Riot искажают суть феминизма. Плунгян определила феминизм как «борьбу с насилием». Мы полагаем, что это слишком узкое и прямое определение феминизма. Перед феминизмом стоит куда более широкий круг задач, в нем существуют разные теоретические направления.

Нам близок постструктуралистский феминизм, где актуализирована тема маскарада как формы высмеивания и переопределения классических гендерных норм и ролей. **Возмущенные нами читатели сообщества fiministki** (sic!), по-видимому, не разделяют идей подрывной пародии. Но мы не обязаны по этой причине пародийную стратегию отвергать.

[---] (Там же.)

Все-таки причина данного поста прежде всего объяснить, как группа относится к другим феминистским инициативам и к обществу «Феминистки», так как выделенным шрифтом отмечены части текста, касающиеся подобного отношения, а не мотивировать действие группы. Но так как в российских СМИ, кроме независимых изданий, действие Pussy Riot не объясняется подробно, важно обсудить или, по крайней мере, сделать видными мотивации действия среди феминисток.

Итоги моего анализа разговоров на интернет-странице общества «Феминистки» в «Живом журнале» можно сформулировать следующим образом: разговоры многообразные и живые, и

в них участвуют феминистки, демонстрирующие разные виды феминизма. Однако вместо толерантности, возникают споры о том, какой феминизм является истинным, но одновременно большинство участниц в разговорах выступают за освобождение Pussy Riot ради солидарности с другими женщинами или феминистками.

Сравнение с другими медиатекстами о Pussy Riot в дискуссиях на странице «Феминисток» «Живого журнала» подробно открывает мышления и принципы действия группы. Это делается собственными словами Pussy Riot, а не как в статье Кудряшова, искривлением и предубеждением автора о том, как он понимает современный феминизм. Интернет-общество открыто всем и разным феминисткам, и никто из них не представляется как авторитетный голос, который поставлен выше других.

Большинство пользователей признают Pussy Riot как субъектов в их действии, хотя есть расхождения во мнениях о том, можно ли данное действие назвать феминистским. На мой взгляд, важно, что в обществе идет разговор о том, какие проблемы можно считать феминистскими, так как существенно, чтобы феминизм не стал идеологией и политикой только, допустим, образованных женщин. Феминизм как явление, стремящееся к уничтожению всех иерархий, должен быть открытым всем, а не только тем, у которых уже есть власть в обществе. Разговор здесь приближается к идее о многообразии феминизма и интерсекциональности, которые уже стали фундаментальными в третьей волне феминизма в Европе и Америке.

Изолированность и радикальность Pussy Riot раздражает многих, включая тех, кто сам давно работает над проблемами российских женщин, но участниц также обвиняют в деятельности, прямо противоположной действиям Акуловой и ее единомышленников, а именно – в конформности. Pussy Riot критикуют из-за пользования медиасферы, дело, которым они искусно воспользовались как на мой взгляд, так и многих исследователей. Участницы не вписываются в привычную форму феминисток, так как их активизм является смесью панка, акционизма российской традиции и существенного в третьей волне феминизма понятия перформативности. Они не участвуют в деятельности организаций и не сотрудничают с ними, что, как мне кажется, является одной из фундаментальных причин того, что их не одобряют в обществе.

5. Заключение

В данной работе я обратилась к изучению конструирования гендера и феминизма в российских дискурсах СМИ о Pussy Riot. Во введении я мотивировала важность и актуальность предмета исследования и представила исследовательские вопросы и гипотезу работы. После введения я осветила происхождение и деятельность Pussy Riot и прежние исследования о группе. Я также кратко представила главные моменты в развитии женского движения в России и так называемые три волны западного феминизма. В теоретической части работы я в самом начале представила критический дискурс-анализ, методiku, с помощью которой был проанализирован материал исследования работы. Были объяснены значение термина дискурс, функции репрезентации в дискурсах и социальные отношения, возникающие в них. В конце теоретической части я представила феминистский взгляд на дискурс и рассмотрела дискурсы как технологию гендера, используя теорию Терезы де Лауретис.

В начале аналитической части работы я познакомила читателей с основными чертами российских СМИ и материалом анализа. После этого я перешла к непосредственному анализу на основе теории технологии гендера, используя критический дискурс-анализ в качестве методики. Я обратилась к материалу с данными вопросами: Какие дискурсы феминизма и гендера возникают в материале? Как конструируется гендер и феминизм в данных дискурсах? Кто участвует в данных дискурсах и как?

В разных типах дискурсов участвуют разные деятели. Обнаружилось, что в ток-шоу и СМИ основного направления феминисткам не разрешается выступить в роли специалистов в сфере феминизма, так как они вообще не слышны в разговорах о Pussy Riot. Вместо этого слышим, как разные общественные деятели, представители церкви и художники принимают активизм Pussy Riot. Из проанализированных мной ток-шоу только в «Госдеп-2» объяснили действие группы своими словами. О феминистском аспекте действия по большей части молчали. Только в дискуссиях на странице «Феминистки» «Живого журнала» и в статье Акуловой Pussy Riot обсуждали как феминистскую группу. В статье Кондрашова в «Аргументах и фактах» также обсуждается феминизм, но феминистский аспект действия группы отрицается автором.

В материалах анализа из СМИ основного направления вообще роль специалиста по феминизму не дается самим феминисткам, а представляется в образе мужчины.

Первый дискурс, который я анализировала, связывал Pussy Riot с идеей о женском факторе в российской политике. В статье газеты «Известия» гендер конструируется дихотомически: женщины представляются взбалмошными в то время как с мужчинами связывается разум и логика. Помимо дихотомии женщина – взбалмошность/мужчина – разум также появилась дихотомия *наше/западное*, и именно женщины рассматривались как попавшие под влияние западных идей. Также в ток-шоу «Пусть говорят», «Госдеп-2» и «В контексте» группа Pussy Riot представляется как нерусский феномен, и группа даже видится как угроза русским традициям, морали и ценностям. Подобный дискурс используется больше всего, но не только, представителями церкви. Сама акция была представлена как знак того, что традиционные русские ценности разрушаются, и таким образом радикальный феминистский субъект в целом отрицается и исключается из русской культуры и общества. В данных традициях, или, по крайней мере, в гегемонистском понимании русской культуры и традиций, как мне кажется, женщине отведена лишь роль матери и защитнице моральных ценностей. Данный дискурс ссылается на дискурс материнства, который тоже был часто использован в ток-шоу «Пусть говорят», как и в выступлениях сторонников группы Pussy Riot, так и противников. Это, на мой взгляд, является результатом того, что государство акцентирует репродуктивную роль женщин и поддерживает гегемонистские властные отношения, в которых только мужчина является политически активным. Женщина, которая переходит границу, является, на взгляд многих гостей программ, прямой угрозой ее детям. Материнство, сексуальность и политическая активность представлялись как исключающие друг друга вещи. Социальная активность женщин представлялась опасной, а борьба за права женщин и гендерное равноправие – как причина нарушения порядка в обществе и семье. Феминистский субъект Pussy Riot угрожает путинской политике с вертикальной властью, поэтому считалось важным напоминать публике о «первоначальной роли» женщины.

Кроме подчеркивания материнства, в высказываниях разных гостей ток-шоу участниц Pussy Riot также инфантилизировали или представляли, как жен, вместо того чтобы их представить самостоятельными женщинами. Отец и муж Толоконниковой как будто выступали за поддержку феминистских активисток, чьи голоса не слышны. Панк-молебен представлялся как результат неудачного воспитания, и, следовательно, участниц надо воспитывать. В ток-шоу также возник дискурс, поддерживающий понимание женщины как «слабого пола» и мужчины как ее защитника. Подобный дискурс воспроизводит гегемонистские гендерные

отношения и представляет полы как дополняющие друг друга. Возник и сопротивляющийся вышеупомянутому дискурс, так как отец Толоконниковой не согласился выступить в той роли, который ему предлагался ведущим ток-шоу и другими гостями.

Из медиатекстов основного направления СМИ только в статье Константина Кудряшова обсуждался прямо современный феминизм и Pussy Riot в этой рамке. В феминизме группы автор сомневался и укреплял гегемонистские властные отношения. Автор текста прямо отрицал значение и смысл современного феминизма, представляя Pussy Riot как людей, которым только интересно привлечь себе внимание, а не бороться за «реальные проблемы» женщин. В статье автор как будто признавал значение первой волны феминизма, но и, обсуждая его, он использовал подчинительную лексику. То есть получился эффект, что всякое действие и борьба за права женщин представляются неполитическими и несерьезными по характеру.

На странице «Феминистки» в «Живом журнале» также возникла дискуссия о том, можно ли Pussy Riot считать феминистками. Дискуссии о Pussy Riot в данной платформе служили средством саморефлексии российских феминисток: Кто может называть себя феминисткой? Какие проблемы и вопросы являются феминистскими? Надо ли феминисткам проявить солидарность с Pussy Riot в ситуации, когда они не разделяют их мнения? Является ли Pussy Riot угрозой развития феминизма в России? В данных разговорах участвуют феминистки, демонстрирующие разные виды феминизма, большинство из которых выступают за освобождение Pussy Riot ради солидарности к другим женщинам или феминисткам.

На основе проанализированных мной медиатекстов можно утверждать, что действие Pussy Riot не послужила средством познакомить широкую публику с идеями современного феминизма. СМИ основного направления не поддерживали феминистские дискурсы с образом женского субъекта, а представили вместо этого женщину в образе матери и жены. Когда речь шла о политике, женщин все же связывали с стереотипными атрибутами, и таким образом конструировали образ гендера как дихотомию. Для развития исследования я считала самыми интересными именно наблюдения над разговорами в платформе «Феминистски», так как из разговорах стало ясно, что в России есть много расходящихся во мнениях феминизмов и многие феминистки считают это проблематичным для развития феминистского движения в стране. Интернет-общества предлагают совсем иной взгляд на тему, так как феминисткам группа Pussy Riot служила как средство саморефлексии. Также интересным предметом для

дальнейшего исследования было бы изучение изменения медиаобраза Марии Алехиной и Надежды Толоконниковой после их освобождения из тюрьмы. Они уже не занимаются радикальным феминистским активизмом в России, а, на мой взгляд, являются гибридами активисток и поп-звезд, которые искусно используют свою популярность за рубежом, чтобы распространять информацию об условиях в российских тюрьмах.

Список источников

Первичные источники:

Акулова, Вера 2012. Конформизм в протестной обертке? *Colta.ru*.

<<http://os.colta.ru/art/events/details/34649/>>

[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а. Вера Акулова о Pussy Riot: "Конформизм в протестной обертке". *Живой журнал, Феминистки*. 27.2.2012.

<<http://feministki.livejournal.com/2023185.html>>

[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а. Иной взгляд на панк-молебен Pussy Riot от православного священника Иной взгляд на панк-молебен Pussy Riot от православного священника. *Живой журнал, Феминистки*. 5.3.2012.

<<http://feministki.livejournal.com/2037084.html>>

[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а. Преследование pussy riot. *Живой журнал, Феминистки*. 6.3.2012.

<<http://feministki.livejournal.com/2038452.html>>

[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а. "Пусек" задержали. *Живой журнал, Феминистки*. 3.3.2012.

<<http://feministki.livejournal.com/2033783.html>>

[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а. Pussy Riot в ХСС - и последствия... *Живой журнал, Феминистки*. 25.2.2012.

<<http://feministki.livejournal.com/2019995.html>>

[Просмотрен 4.3.2015]

В контексте. Скандал в храме. 15.3.2012. YouTube.

<<http://www.youtube.com/watch?v=bFD5DN7QgF4>>

[Просмотрен 23.4.2015]

Данилов, Артем 2012. Д. С. Лихачев и А. М. Панченко о скоморохах, шутах и юродивых. Исторические параллели с группой Pussy Riot. Интернет-страница канала «Эхо Москвы».

<http://www.echo.msk.ru/blog/esquire_755/917067-echo/>

[Просмотрен 23.4.2015]

Госдеп-2 с Ксенией Собчак. Последствия акции Pussy Riot. 17.3.2012. YouTube.

<http://www.youtube.com/watch?v=QFhPV_FiDRk>
[Просмотрен 23.4.2015]

Кудряшов, Константин. 2012. Pussy Riot — феминизм или синдром Бобчинского?
Аргументы и Факты (общество).

<<http://www.aif.ru/society/article/54551>>
[Просмотрен 23.4.2015]

Пусть говорят. "Бесы". 15.3.2012. YouTube.

<<http://www.youtube.com/watch?v=H9aO-l-6Jeo>>
[Просмотрен 23.4.2015]

Роганов, Сергей. 2012. Pussy Riot и российские гей-парады.

Известия (новости).
<<http://izvestia.ru/news/533445>>
[Просмотрен 23.4.2015]

Вторичные источники:

Akulova, Vera 2013. Pussy Riot: Gender and Class. *Post-post Soviet? Art, Politics & Society in Russia at the Turn of the Decade*. Eds. Marta Dziewanska, Ekaterina Degot, and Ilya Budratskis. Museum of Modern Art in Warsaw: Warsaw.

Althusser, Louis 1984. *Ideologiset valtiokoneistot*. Kansankulttuuri: Helsinki.

Blommaert, Jan 2005. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge University Press: Cambridge.

Bodin, Per-Arne 2009. The Influence of Russian Orthodox Tradition, Studies in postsoviet Russian culture and the orthodox tradition. *Language, Canonization and Holy Foolishness*. Stockholm University, p. 25-42.

De Lauretis, Teresa 2004. Sukupuolen teknologia. *Itsepäinen vietti*. Toim. A. Koivunen. Vastapaino: Tampere, s.35- 76.

Diamond, Irene & Quinby, Lee 1988. American Feminism and the Language of Control. *Feminism and Foucault: Reflections on Resistance*. Ed. by I. Diamond & L. Quinby. Northeastern University Press: Boston, p. 193-206

Edmondson, Linda 1984. *Feminism in Russia 1900-1917*. Heinemann Educational Books: London.

Engel, Barbara Alpern 1983. Mothers and daughters: women of the intelligentsia in nineteenth century Russia. Cambridge University Press: Cambridge.

Engström, Maria 2015. 'Orthodoxy or death!' Political Orthodoxy in Russia. *Religion, Politics and Nation-Building in Post-Communist Countries*. Eds. G. Simons & D. Westerlund. Routledge.

Fairclough, Norman 2003. *Analysing Discourse*. Routledge: London.

- Fairclough, Norman 1989. *Language and power*. Longman: London.
- Fairclough, Norman 1997. *Miten media puhuu*. Vastapaino: Tampere.
- Foucault, Michel 2005. *Tiedon arkeologia*. Toinen painos. Vastapaino: Tampere.
- Fowler, Bridget 2004. Mapping the obituary: Notes towards a Bourdieusian interpretation. *Feminism after Bourdieu*. Ed. by L. Adkins & B. Skeggs. Blackwell Publishing: Oxford.
- Freedman, Jane 2001. *Feminism*. Open University Press: Buckingham, Philadelphia.
- Gessen, Masha 2014. *Words Will Break Cement: The Passion of Pussy Riot*. Riverhead Books: New York.
- Goscilo, Helena 1995. The Gendered Trinity of Russian Cultural Rhetoric Today --- or the Glyph of the H[i]eroine. *Soviet Hieroglyphics*. Ed. by N. Condee. Indiana University Press: Bloomington Indiana, p. 68-92.
- Hall, Stuart 1997. The Work of Representation. *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. Ed. by S. Hall. Sage Publications: London, p. 13-74.
- Henry, Laura 2010. *Red to Green: Environmental Activism in Post-Soviet Russia*. Cornell University Press: Ithaca.
- Huttunen, Tomi & Veivo, Harri 1999. *Semiotikka: merkeistä mieleen ja kulttuuriin*. Oy Edita Ab: Helsinki.
- Jokinen, Arja & Juhila, Kirsi & Suoninen, Eero 1993. Diskursiivinen maailma: Teoreettiset lähtökohdat ja analyttiset käsitteet. *Diskurssianalyysin aakkoset*. Toim. A. Jokinen, K. Juhila, E. Suoninen. Toinen painos. Vastapaino: Tampere, s.17–40.
- Jokinen, Arto 2004. Diskurssianalyysin kourissa: Sotilasteksteissä muotoutuva miehisuus. *Feministinen tietäminen. Keskustelua metodologiasta*. Toim. Marianne Liljeström. 191-208. Vastapaino: Tampere.
- Kangaspuro, Markku 2009. Review on the Changing Paradigms of International Russian Studies. *Perspectives to the Media in Russia: "Western" Interests and Russian Developments*. Ed. by E. Vartanova & H. Nieminen & M-M. Salminen. Aleksanteri Institute: Helsinki, s. 13–26.
- Knox, Zoe. 2005. Symphonia, the Moscow patriarchate and the state. *Russian Society and the Orthodox Church. Religion in Russia after Communism*. Taylor & Francis: London, p.105–131.
- Koivunen, Anu 2004. Alkusanat. *Itsepäinen vietti*. Toim. A. Koivunen. Vastapaino: Tampere, s. 5–7.
- Lazar, Michelle 2005. Politicizing gender in discourse: feminist critical discourse analysis as

- political perspective and praxis. *Feminist Critical Discourse Analysis: Gender, Power and Ideology in Discourse*. Ed. M. Lazar. Palgrave Macmillan: Houndmills, Basingstoke, Hampshire.
- Liljeström, Marianne 1996. Sukupuolijärjestelmä. *Avainsanat -10 askelta feministiseen tutkimukseen*. Toim. A. Koivunen & M. Liljeström. Vastapaino: Tampere, s. 111–138.
- Luukka, Minna-Riitta 2000. Näkökulma luo kohteen: diskurssintutkimuksen taustaoletukset. *Kieli, diskurssi & yhteisö*. Toim. K. Sajavaara & A. Piirainen-Marsh. Jyväskylän yliopisto: Jyväskylä, s. 133–160.
- Marshall, David P. 2009. Screen: Television's Dispersed "Broadcast". *Television Studies After TV: Understanding Television in the Post-Broadcast Era*. Ed. by G. Turner and J. Tay. Routledge: London, p. 41-50.
- Mullany, Louise 1997. Feminist Theory and discourse theory. *Discourse*. Ed. S. Mills. P. Routledge: London. 2nd ed., p. 77.104.
- Nehring, Neil 1997. *Popular music, gender, and postmodernism: Anger is an energy*. Sage Publications, Inc: Thousand Oaks.
- Paasonen, Susanna 2010. Sukupuoli ja representaatio. *Käsikirja sukupuoleen*. Toim. T. Juvonen, L. Rossi, T. Saresma. Vastapaino:Tampere, s. 39–49.
- Pietikäinen, Sari 2000. Kriittinen diskurssintutkimus. *Kieli, diskurssi & yhteisö*. Toim. K. Sajavaara & A. Piirainen-Marsh. Jyväskylän yliopisto: Jyväskylä, s.191–217.
- Pietiläinen, Jukka, Fomicheva, Irina & Resnianskaia, Liudmila 2010. Changing media use in Russia. *Russian mass media and changing values*. Eds. A. Rosenholm, K. Nordenstreng & E. Trubina. Routledge: London, p. 41-56.
- Popkova, Ludmila 2004. Women's Political Activism in Russia: The Case of Samara. *Post-Soviet Women Encountering Transition: Nation Building, Economic Survival and Civic Activism*. Eds.K. Kuehnast & C. Nechemias. Woodrow Wilson Center Press: Washington (D.C.), p 172-194.
- Posadskaya, Anastasia 1993. Current Problems in Russian Gender Studies. *Gender Restructuring in Russian Studies: conference papers, Helsinki, August 1992*. Eds. M. Liljeström, E. Mäntysaari, A. Rosenholm. University of Tampere: Tampere, p. 267-271.
- Richters, Katja 2013. *The Post-Soviet Russian Orthodox Church: Politics, Culture and Greater Russia*. Routledge: London.
- Rosenholm, Arja, Nordenstreng, Kaarle & Trubina, Elena 2010. Introduction. *Russian mass media and changing values*. Ed. A. Rosenholm, K. Nordenstreng & E. Trubina. Routledge: London, p. 1-17.
- Rosenholm, Arja & Savkina Irina 2010. 'We must all give birth: That's an Order': The Russian mass media commenting on V.V. Putin's address. *Russian Mass Media and changing*

- Values*. Eds. A. Rosenholm, K. Nordenstreng & E. Trubina. Routledge: London and New York, p. 79–101.
- Rossi, Leena-Maija 2010. Representaatio, yhteiskunta ja tiede. *Representaatio – tiedon kivijalasta tieteiden työkaluksi*. Toim. T. Knuuttila & A.P. Lehtinen. Gaudeamus: Helsinki, s. 261–275.
- Rossi, Leena-Maija 2010. Sukupuoli ja seksuaalisuus: erosta eroihin. *Käsikirja sukupuoleen*. Toim. T. Juvonen, L. Rossi, T. Saesma. Vastapaino: Tampere, s.21–38.
- Salmenniemi, Suvi 2014. Feminismi, naisliike ja tasa-arvon paradoksit. Naisia Venäjän kulttuurihistoriassa. Toim. A. Rosenholm, S. Salmenniemi & M. Sorvari. Gaudeamus: Helsinki, s. 290-315.
- Salminen Minna-Mari 2009. International Academic Research on Russian Media. *Perspectives to the Media in Russia: “Western” Interests and Russian Developments*. Ed. by E. Vartanova, H. Nieminen & M-M. Salminen. Aleksanteri institute: Helsinki, s.27- 84.
- Sihvonen, Tanja 2006. Representaatio/simulaatio: Esityksestä toimintaan ja takaisin. *Mediaa käsittämässä*. Toim. S. Ridell, P. Väliäho & T. Sihvonen. Vastapaino: Tampere, s.129–152.
- Simons, Greg 2010. *Mass media and Modern Warfare: Reporting on the Russian War on Terrorism*. Ashgate Publishing: Farnham.
- Sperling, Valerie 1999. *Organizing Women in Contemporary Russia: Engendering Transition*. Cambridge University Press: New York.
- Steinholdt, Yngvar 2013. Kitten Heresy: Lost Contexts of Pussy Riot’s Punk Prayer. *Popular Music and Society*. Routledge: London, p. 120-124.
- Van Dijk: Teun A. 1998. *Ideology: a multidisciplinary approach*. Sage: London.
- Vartanova, Elena & Smirnov, Sergei 2010. Contemporary structure of the Russian media industry. *Russian Mass Media and Changing Values*. Ed. A. Rosenholm, K. Nordenstreng, E. Trubina. Routledge: London, p. 21-40.
- Vuori, Jaana 2001. *Äidit, isät ja ammattilaiset. Sukupuoli, toisto ja muunnelmat asiantuntijoiden kirjoituksissa*. Tampere University Press: Tampere.
- Zassoursky, Ivan 2009. Free to get rich and fool around. *The Post-Soviet Russian Media – Conflicting Signals*. Ed. B. Beumers, S. Hutchings, N. Rulyova. Routledge: London, p. 29- 41.
- Баллаева, Е.А., Здравомыслова, О.М, Аругюнян, М.Ю 2009. Устойчивость и изменчивость повседневных гендерных идеологий. *Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования*. Под ред. Н. М. Римашевской. Наука: Москва, стр. 42-57.
- Марш, Розалинд 2007. Россия и запад в исторической перспективе. Россия и запад в начале

нового тысячелетия. Российская академия наук, институт мировой литературы им. М. Горького: Москва, стр. 11-39.

Новикова, Наталья 2002. Всероссийский союз равноправия женщин (1905-1914 гг.): к вопросу о характере русского феминизма. *Гендерные истории восточной Европы*. Под ред. Е.Гаповой, А. Усьмановой, А. Пето. Европейский гуманитарный университет: Минск.

Розенхолм, Арья & Сорвари, Марья 2015. «Мы вышли захватывать улицы»: *Сопrotивление движением как культурная концепция группы Pussy Riot*. Абстракт непубликуемой статьи.

Русакова, О.Ф., Ишменев Е.В 2006. Критический дискурс-анализ. *Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ*. «Дискурс-Пи»: Екатеринбург, стр. 36-42.

Рябов, Олег 2001. Материнское начало русской жизни. *Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии*. Издательский дом «Ладомир»: Москва, стр. 99-131.

Газеты:

Bernstein, Anya 2013. An Inadvertent Sacrifice: Body Politics and Sovereign Power in the Pussy Riot Affair. *Critical Inquiry*, Vol 40, No 1, p. 220-241.

Garber, Elizabeth 2013. Craft as Activism. *The Journal of Social Theory in Art Education*. Volume 33. (K.Staikidis, Ed.). Pages 53-66.

Maydanchik, Michelle 2012. Transgression and Transmission: Performance Art in Post-Soviet Moscow. *Perspectives on Europe (Council for European Studies)*. Spring 2012, Volume 42, No 1, p. 111-115.

McMichael, Polly 2013. Defining Pussy Riot Musically: Performance and Authenticity in New Media. *Digital Icons*. No. 9.

Strukov, Vlad 2013. From Local Appropriation to Global Documentation, or Contesting the Media System. *Digital Icons*. No. 9.

Toepfl, Florian 2013. Making Sense of the News in a Hybrid Regime: How Young Russians Decode State TV and an Oppositional Blog. *Journal of Communication*. Volume 63, Issue 2, pages 244–265.

Yagodin, Dmitry 2014. Median sananvapaus ja Venäjän valtio. *Idäntutkimus*. Nro. 3, s.67–71.

Гапова, Елена 2012. Дело Pussy Riot: феминистский протест в контексте классовой борьбы.

Непечатные материалы:

- Edley, Nigel 2001. *Analysing. Masculinity. Discourse as Data – A Guide for Analysis*. Ed. M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates. Sage Publications: London UK.
<<http://www.clarku.edu/~mbamberg/class%20material/107/Analysing%20Masculinity.pdf>>
[Просмотрено 23.4.2015]
- Etling, Bruce, Alexanyan, Karina, Kelly, John, Faris, Robert, Palfrey, John, Gasser, Urs 2010. *Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization*. Berkman Center Research Publication.
<http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere_2010.pdf>
[Просмотрено 23.4.2015]
- Gradskova, Yulia, Sandomirskaja, Irina, Petrusenko, Nadezda 2013. *Pussy Riot: Reflections on Receptions: Some Questions Concerning Public Reactions in Russia to the Pussy Riot's Intervention and Trial*. *Baltic Worlds*.
<<http://balticworlds.com/reflections-on-receptions/>>
[Просмотрено 23.4.2015]
- Richters, Katja 2012. *Pussy Riot, the Media and Church-State Relations in Russia Today*.
<<https://divinity.uchicago.edu/sites/default/files/imce/pdfs/webforum/112012/Richters%20Web%20Forum%20November%202012.pdf>>
[Просмотрено 23.4.2015]
- Toepfl, Florian 2011. *Managing public outrage: Power, scandal and new media in contemporary Russia*. *New Media & Society*.
<<http://nms.sagepub.com/content/13/8/1301.short>>
[Просмотрено 23.4.2015]
- Б/а. OpenNet Initiative.
<<https://opennet.net>>
[Просмотрен 23.4.2015]
- Pussy Riot – I Can't Breathe.
PussyRiotVideo channel. YouTube.
<<https://www.youtube.com/watch?v=dXctA2BqF9A>>
[Просмотрен 23.4.2015]
- Б/а 2013. *Зона права: освобожденные участницы Pussy Riot создадут правозащитную организацию*. *Korrespondent.net*.
<<http://korrespondent.net/world/russia/3280955-zona-prava-osvobozhdennye-uchastnytsy-Pussy-Riot-sozdadut-pravozaschytnuui-orhanyzatsyui>>
[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а 2012. Патриарх Кирилл о протестах: православные не ходят на демонстрации, они молятся в тиши монастырей. *Газета.ru*.
<http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/02/01/n_2187809.shtml>
[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а 2012.Екатерину Самуцевич освободили. *Дождь*.
<http://tvrain.ru/articles/samutsevich_osvobodili_ostalnym_ostavili_srok_dva_goda-331478>
[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а. Известия, Медиа атлас. *Media-atlas.ru*.
<<http://www.mediaatlas.ru/editions/?a=view&id=2477>>
[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а 2014. Мосгорсуд смягчил приговор участницам Pussy Riot на 1 месяц. *Interfax.ru*.
<<http://www.interfax.ru/russia/369503>>
[Просмотрен 23.4.2015]

Б/а. Репрезентация. Словарь на Академике (история философии)
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/430/%D0%A0%D0%95%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%97%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF>
[Просмотрен в 23.4.2015]

Б/а, Сайт издательского дома «Аргументы и Факты».
<<http://corp.aif.ru/page/4>>
[просмотрен 23.4.2015]

Б/а 2011. Серия выступлений феминистской панк-группы Pussy Riot в Москве. *Живой журнал группы Pussy Riot*.
<<http://pussy-riot.livejournal.com/5497.html>>
[просмотрен 23.4.2015]

Б/а 2012.Сообщения о существенных фактах. *Известия*. *Izvestia.ru*.
<<http://izvestia.ru/fakts>>
[Просмотрен 23.4.2015]

Босых, Александр б/д. Верхний пост: Считайте это моей официальной позицией по всем острым и не очень темам, которые я высказываю. *Живой журнал пользователя filosof-rodina*.
<<http://filosof-rodina.livejournal.com/121070.html>>
[23.4.2015]

Волкова Татьяна. 2011. Чат Татьяны Волковой с группой Pussy Riot. Живой журнал группы Pussy Riot.
<<http://pussy-riot.livejournal.com/4299.html>>
[Просмотрен 23.4.2015]

Здравомыслова, Елена & Темкина, Анна б/д. Введение. Социальная конструкция гендера и

гендерная система в России.
<<http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik4/vveden4.htm>>
[Просмотрен 23.4.2015]